

18+

ЕГОР ВОСТОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОЛЯРНОМУ ДНЕВНИКУ

“История подтвердит мою правоту,
особенно если я напишу её сам”
Предположительно У. Черчилль

Егор Востов

**Предисловие к Полярному
дневнику. Роман**

«Издательские решения»

Востов Е.

Предисловие к Полярному дневнику. Роман / Е. Востов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509004-1

Первый роман популярного сетевого автора. Как и в коротких рассказах, на страницах произведения раскрывается тема альтернативной реальности, влияния субъективного сознания не только на настоящее и будущее, но и на далекое прошлое. Видим ли мы то, что находится прямо у нас перед глазами? Или же нам внушают, что именно мы должны видеть? Ответы на эти вопросы читатель найдёт на страницах этой увлекательной книги, совмещающей жанры исторического романа и современной прозы.

ISBN 978-5-00-509004-1

© Востов Е.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие к «Полярному дневнику»	6
1	7
2	17
3	29
4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Предисловие к Полярному дневнику Роман

Егор Востов

© Егор Востов, 2019

ISBN 978-5-0050-9004-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие к «Полярному дневнику»

*Яков закрыл глаза, и в воображении его
одно навстречу другому понеслись
громадные стада белых гусей.
А.П. Чехов «Скрипка Ротшильда»*

1

Все началось с глухого топота. Витя уже проснулся, а в ушах еще отдавались гулкие удары конских копыт, слышалось нетерпеливое всхрапывание, во рту как будто ощущался привкус степной пыли, а перед глазами короткими вспышками возникал крутой бок гнедого битюга. Казалось бы, ничего особенного, сон как сон. Даже фрагмент, а не целая картина. Но почему-то Витя никак не мог подняться с кровати, казалось необходимым вспомнить, был ли на коне всадник? И эта мысль важнее наступившего утра, важнее потребности идти на работу, важнее бумеранга реальности, который снова вернулся в Витину руку. Бумеранг возвращается, только если охотник промазал. Каждый вечер, ложась спать, Витя мысленно запускал этот бумеранг, надеясь, что там, в нави он, наконец, собьет нечто способное придать осмысленность явному бытию. Ему казалось, что во внешнем мире чего-то не хватает, кто-то вытащил несколько камешков мозаики и картина осыпалась. Поэтому теперь у него перед глазами нечто неопределенное, калейдоскопический мир, постоянно развертывающийся произвольный орнамент. Зрелище хоть и увлекательное, но чересчур беспорядочное. Жить в хаосе Вите не хотелось. Мысль о том, что он лишь управляемый элемент в бесконечной игре производительных сил природы нисколько не успокаивала. Есть мир, точка и рычаг. Нужно только отыскать их. Витя не сомневался, что задача эта выполнима. Потому и полагался на сны. Расчет казался ему вполне логическим. Сознание ничего не упускает, но воспроизвести в конкретном образе можно далеко не всё. Закрома подсознания открываются во снах, значит к ним и нужно обращаться. Беда только в том, что контролировать сновидения никак не получалось. Даже запоминать – задача не из легких. Раз за разом Витя просыпался в той же реальности, с тем же бумерангом. Откровение не спешило подрумянить своими лучами мутные картины Витиных снов. И вот, наконец, появилось что-то реальное. Вроде бы чушь, какая-то лошадь. Сказать кому – засмеют. Однако Витя верил интуиции. Сколь бессмысленной не казалась бы часть, это ни как не отражалось на значимости целого.

Умываясь и готовя завтрак, он все еще видел этого коня и будто бы даже ощущал порывы вольного ветра и веселую воинскую тревогу, накатывающую за секунду до атаки. Такое состояние духа Витя любил больше всего. Бодрая злость, словно воля сосредотачивалась на блестящем острие тяжелого копья. Эти ощущения – лишь следствия, причиной же являлся сон. Почти осязаемое видение, которое Витя ни за что не согласился бы считать полубредовым мороком. Такие сны он называл просветами. Как будто маскировочная сетка, накинутаая на мир, вдруг разошлась и в открывшуюся щель виден настоящий мир, умело спрятанный за тысячами слов, определений, концепций, матриц и установок. Сегодня уголок явно приоткрылся.

Весьма кстати, поскольку Вите предстояла важная встреча, и лучше провести ее на кураже. В его небольшом предприятии наметился внутренний кризис. Заказы стали уходить налево, постоянные клиенты вдруг исчезали. Витя догадывался, кто за этим стоит, но пока не решил, как следует поступить. Как бы то ни было, но разрешение кризиса неминуемо повлечет за собой расходы, так что жирный клиент нарисовался очень вовремя.

Витя занимался изготовлением декоративных панелей, мебели и разнообразных поделок из ценных пород древесины. Вышел он на это занятие почти случайно или произвольно, что многим его друзьям казалось странным, ведь сам Витя никогда сам не тяготел к столярному или плотницкому делу. И вот, ни с того ни с сего, завел мастерскую, нанял рабочих, стал получать заказы и вообще работал весьма успешно, без долгих разгонов вошел в премиум сегмент и плотно держался там, на диво партнерам и конкурентам. Даже видя его успех, некоторые товарищи принимались советовать Вите, мол, куда ты лезешь, начни лучше с простого, что полегче и постепенно дорастешь. Витя ничего не отвечал. Он-то знал, что уже дорос. Сразу. В том и заключался один из секретов его успеха. Нет никакого смысла клепать ширпотреб.

Во-первых, неинтересно, во-вторых, это и есть путь в никуда. Богатые люди всегда остаются богатыми. Витя это хорошо видел на примере двух известных экономических кризисов, и сейчас наблюдал на примере третьего. Первыми падают как раз предприятия ориентированные на массового потребителя. Кто будет заказывать дизайнерскую мебель на дачу, если жрать нечего? А Витины клиенты в такие ситуация просто не попадали. В худшем случае вместо ясеневое портала заказывали дубовый.

Витя еще раз проверил адрес и глянул на часы. Путь ему предстоял не близкий. Заказчик назначил встречу в поселке Николина гора. От Коломны почти двести километров. Кстати, Витин переезд в Коломну тоже казался некоторым его друзьям странной причудой. Витя родился и вырос в Москве. Закончил столичный вуз, не супер какой-то там, но все-таки. А потом вдруг взял и переехал в небольшой и не самый близкий городок. Для многих Коломна ассоциировалась с настоящей дырой, глухим замкадьем, где во дворах пасутся коровы, а мобильные телефоны ценятся за восьмиголосую полифонию и цветной экран.

– Куда ты ломишься?! Здесь же Москва! Столица! Все бабло здесь крутится! – друзья и знакомые пучили на Витю глаза.

Правда, по большей части эти мудрые сентенции произносили люди, отягощенные ипотечными кредитами, которым постоянно приходилось лавировать между судебными процессами по признанию банкротства очередного предприятия и процедурой получения нового кредита, направленного на погашение предыдущего. Да и пресловутая «столичность» Москвы давно казалась Вите какой-то липовой, а престижность прописки в нерезиновой – мифом времен лимитчиков и очередей за колбасой. Конечно, спорно, все-таки метрополия дает больше возможностей по сравнению с периферией, но, как бы то ни было, у Вити все сложилось именно в Коломне. Хотя бы поэтому правоту его выбора никто оспорить не мог.

Витя выехал немного раньше чем требовалось, и решил проехать через центр города. Ему нравилась полупустая дорога, набережная, мост, внушительная громада кремлевской стены. Иногда Вите казалось, что уцелевшая часть, вместе с Маринкиной башней, стоит посреди города словно наказанная, но не утратившая гордости преступница. Только вот в чем состояло это преступление Витя не знал и все никак не находил времени чтобы разузнать.

На подъезде к Москве он уперся в пробку, которая продолжилась на МКАД и перетекла в Рублево-Успенское шоссе. Толкаясь среди медленно звереющих автомобилистов, Витя не раз успел поздравить себя с тем, что решил выехать пораньше. Дорвавшись, наконец, до нужного светофора, он свернул и притопил газ, до поселка оставалось всего ничего, но улицы этих элитных поселений иногда образовывали весьма причудливый лабиринт. Перескочив мост через Москву-реку, Витя подумал, что на водном транспорте мог бы добраться до Николиной горы значительно быстрее, если бы малое речное судоходство не было столь бесповоротно заброшено. Его догадка о возможном лабиринте оказалась верной. Нужный дом отыскался далеко не сразу. Всякие там Поперечные и Лесные улицы лишь на первый взгляд выглядели логично проложенными. На самом деле каждая имела не приметные ответвления и тупички. Жирная зеленая точка на карте в смартфоне стояла среди серого поля. Дорога к дому заказчика оказалась даже не асфальтированной – тонкая однополосная грунтовка. Витя частенько заезжал в разнообразные загородные резиденции современной элиты и привык к тому, что попасть за ворота иного дома совсем не просто, даже если встреча назначена, охрана предупреждена, пропуска выписаны и т. п. Но тут было что-то другое. О доме, у ворот которого он остановился, будто просто забыли. Казалось, никто не собирался его прятать, просто так само собой сложилось, что коттеджи-машины за трехметровыми заборами загородили дом от мира. Такое Вите тоже случалось видеть. В любом самом что ни на есть элитном поселке всегда оставался небольшой процент аборигенов. Коренные жители по каким-то причинам не съезжали со своих участков. Кто-то упирался из принципа и терпел расплодившихся «буржуев», кому-то больше некуда было податься. Правда, последние рано или поздно получали «выгодное предложение»

и все-таки покидали насиженные места. А эти принципиальные... Витя подозревал, что они скрипят зубами на «шумных» бесчинствующих соседей больше из принципа и потому что «так положено». Вряд ли жителей вот таких вот заброшенных хибар сильно беспокоили. Одного взгляда на дом хватало, чтобы понять: обитает в нем вовсе не порно звезда и даже не «медийная морда», и уж конечно не депутат. И чего тогда к нему лезть?

Впрочем, дом, к которому подъехал Витя, нельзя было назвать хибарой. Из-за ворот он мог видеть только второй этаж, но глаз у него был наметанный. Строение напоминало старую еще советскую дачу. Большое окно витражного типа, выполненное в духе примитивизма – стеклянное полотно просто разбито на много маленьких квадратов, по углам сделаны вставки синего стекла. Двускатная крыша, крытая гибкой черепицей. Потемневший от времени фасад. Витя отдал должное выбору краски, такое покрытие фактически не ветшало, с годами оно приобретало оттенок благородной старины. Очевидно, хозяину в полной мере удавалось поддерживать дом в приличном состоянии.

Звонка на воротах не было видно и Витя хотел посигналить, но створки сами собой стали расползаться, пропуская машину. Значит, где-то имелась совсем неприметная камера. Это несколько успокоило Витю. Ведь старые дачники не входили в его целевую аудиторию. А вот с тем, что люди не отдают себе отчета в стоимости Витиных услуг, ему приходилось сталкиваться. По большей части такие недоразумения разрешались на этапе телефонных переговоров. Станным можно было назвать то, что они вообще возникали. На сайте помещалось достаточно полное описание стоимости работы и материалов, но тем не менее восклицания типа – «Херасе! А что так дорого?!», периодически звучали в трубке. С другой стороны, сегодняшний заказчик настаивал на личном знакомстве и говорил об индивидуальном проекте, то есть вероятно изучил вопрос и, соответственно, понимал цену. Все же Витя насторожился.

Перед домом была отсыпана небольшая гравийная площадка, на две машины максимум. Она пустовала. К дому был пристроен одноэтажный гараж. Витя оглядел участок. Аккуратная дорожка вела к дому, кусты ровно подстрижены, газон ухоженный, в углу, у забора мшистая альпийская горка. Словом, всюду следы скрупулезного, но непритязательного садоводства. Витя вышел из машины и сразу же увидел хозяина. Среднего роста, пожилого возраста, лет, наверное, шестидесяти, это, пожалуй, единственное точное описание, которое Витя мог бы дать хозяину дачи. «Может, это и не хозяин» – мелькнула у Вити мысль при взгляде на «домашний» спортивный костюм человека. – «Какой-нибудь управляющий...». Но сомнения эти мгновенно рассеялись.

– А я вас жду, – мужчина протянул Вите руку.

– Здравствуйте, – кивнул Витя и пожал протянутую руку.

– Давайте, не будем терять времени, – мужчина жестом пригласил Витю следовать за ним.

Походка у него была энергичная, рукопожатие крепкое. Они вошли в дом, прошли небольшую прихожую и гостиную, поднялись на второй этаж. По пути Витя все еще старался оценить этого человека. Мебель в доме, что называется, «старая-добрая», на журнальном столике в гостиной Витя успел заметить чашку с отколотым краешком и густым чайным налетом, должно быть, любимая. Выцветшие шторы, скрипучие половицы. А главное – запах. Пахло давно сложившимся, устоявшимся бытом. В целом, все увиденное Витей можно было назвать одним простым словом – уют. Всё работает и лежит на своих местах. Комната второго этажа вызвала контрастное ощущение. Она была пуста. Очевидно, ее специально освободили и не так давно. На деревянном полу остались отметины от ножек тяжелых шкафов, на стенах легко читалось расположение секций по выгоревшим между ними полосам. Видимо, шкафы или стеллажи недавно стояли по периметру всей комнаты.

– Вот это и станет полем вашей деятельности, – хозяин обвел руками комнату. – Конечно, если мы обо всем договоримся.

– Да, конечно. Вы сказали, вам нужны декоративные панели? – уточнил Витя.

– Совершенно верно.
– И вы уже определились с тематикой и материалом?
– Сами панели нужно будет изготовить по готовым чертежам. А материалы... Тут я полагаюсь на вас.

– Какие-то предпочтения у вас все-таки есть?
– Критерий только один – мне нужно вечное дерево.

Витя несколько удивленно посмотрел на мужчину.

– Ну, конечно, в относительном понимании этого слова.

– Тут может быть и вполне конкретное понимание, а не относительное, – ответил Витя. –

При правильном подборе и обработке древесины, она на самом деле становится вечной. Тем более, внутренняя отделка...

– Вот и отлично. Значит, у вас есть то, что мне нужно.

– Если я правильно вас понял по телефону, вам нужны панели на все стены, высотой от пола до потолка?

– Все верно.

– Из самой твердой древесины? Скажем, из ятобы?

– Это уж вам виднее. Конечно, цвет материала мне тоже важен, но пусть пока будет ятоба.

– Должен вас предупредить, что сэкономить тут не получится, – Витя решил говорить прямо. – Многое зависит от класса доски, оттенка, производителя, но все-таки...

– Об этом не беспокойтесь.

– Если не секрет, чем вы занимаетесь? Честно скажу, с такими заказами к нам не часто обращаются.

– Не часто? – переспросил мужчина. – Уверен, что впервые.

– Ну да...

– А занимаюсь я историей, – просто сказал мужчина. – Если вы готовы назвать цену ваших услуг, я готов выслушать.

– Давайте сначала на проект посмотрим.

– Конечно.

Мужчина вышел из комнаты, но скоро снова заглянул:

– Давайте перейдем в кабинет. Там будет удобнее.

Витя проследовал за ним. В кабинете обстановка была минималистичной: письменный стол, кресло, кожаный диван и тумбочка. Мужчина положил на стол большую кожаную папку, расстегнул, вынул сложенный в несколько раз лист чертежной бумаги миллиметровки, стал раскладывать его на столе. Витя не удержался от вопроса:

– Вы сказали, что изучаете историю, а где же книги?

– Я сказал, что *занимаюсь* историей, – поправил мужчина. Витя не до конца понял смысл этого уточнения. – Библиотека у меня была, а теперь, вот, – мужчина кивнул на закрытый ноутбук, неприметно стоявший на тумбочке.

Он закончил раскладывать чертеж. Витя обошел стол, чтобы получше рассмотреть.

– Ого! – только и сказал он. – Это уже не просто декор. Это искусство!

На чертеже изображалось несколько деревянных панно, вместе образующих целостную картину. Бегло оглядев рисунок, Витя понял, что изображения посвящены каким-то историческим событиям – батальные сцены, коронавание, советы. Каждое отдельное панно со множеством деталей, люди в костюмах разных исторических эпох, животные, геральдические символы, целые пейзажи. Витя задумался. Более сложной работы ему еще никогда не заказывали. И не то, чтобы он боялся сложных задач. Наоборот. Просто он хорошо понимал, что для выполнения этого заказа ему придется оставить все текущие и какое-то время не принимать новых или же в срочном порядке расширяться. Последнее в его ситуации казалось невозможным. Конечно, в стоимость этой работы он мог вложить упущенную выгоду с других зака-

зов... А если заказчик соскочит на каком-нибудь промежуточном этапе? В общем, рискованно, но и выгода... Витя сомневался, а требовалось решать. И маятник клонился в сторону отказа. В конце концов, его мастера могли и не вытянуть работу такой сложности. Часть оборудования точно придется заменить... Витя уже набрал в легкие побольше воздуха, чтобы отказать, но тут взгляд его упал на одно изображение: конный строй перед атакой, эпоху Витя сходу не мог определить, должно быть какое-то казачье воинство, но самое главное, перед строем гарцевал всадник, предводитель. Витя узнал коня. Тот самый крутобокий битюг из его сна! Он нисколько не сомневался в этом, абсолютно та же стать и посадка, даже динамика движений, пусть и в застывшем изображении, была именно та. Несколько мгновений он не мог оторвать взгляда от картины. Из оцепенения его вывел голос мужчины:

– Итак, что скажете?

Витя помедлил еще мгновение:

– Завтра пришло замерщиков, тогда можно будет поговорить о цене.

От заказчика Витя выехал в состоянии некоторого смятения. Ему не хотелось демонстрировать личную заинтересованность в получении заказа, для коммерции это вредно. Однако он слишком очевидно расстроился, когда мужчина отказался отдать ему на руки чертеж для расчетов. Главное же, Витя понимал, что слишком поторопился с этой просьбой. Еще оставались вопросы, которые обычно решаются на берегу, а он как будто бы уже поднял якорь. Также Витя не мог определить, заметил ли мужчина его волнение? Он-то как раз держал себя абсолютно непроницаемо. И в этом не ощущалось напускной, подчеркнутой невозмутимости, аля самурай. Мужчина держался свободно и непринужденно, при этом Витя не мог уловить ни одного лишнего мимического движения, ни одного необдуманного жеста, ничего, что выдавало бы подлинные мысли или внутренние оценки этого человека. Становилось даже немного досадно. Читать людей было для Вити чем-то вроде хобби. Конечно, такой навык сильно помогал в работе, но в целом его больше интересовал процесс, чем результат. В конце концов, он ведь не цыганка на вокзальной площади. В его задачи не входит облапошить человека, подловив на слабости или страхе. Тут Витя преследовал чисто академический интерес, если угодно – постижение человеческой природы. Лишь на один миг ему удалось считать живую реакцию.

Мужчина вышел проводить Витю до машины.

– Извините, – словно бы опомнился Витя. – Забыл спросить ваше имя.

– Называй меня дядя Коля, – улыбнулся мужчина. – Как чудотворца.

Несмотря на улыбку и как бы шуточный тон, Витя понял, что говорит он вполне серьезно. Кроме странности ответа Витя уловил в нем и доверительные нотки. Тому свидетельствовал и резкий переход на «ты». Хотя вовсе не эти мысли занимали его. На обратном пути он все время думал о чертеже. Не терпелось рассмотреть его подробнее. Тот фрагмент, вернее совпадение с картиной увиденной во сне, настолько поразило Витино воображение, что он не успел толком разглядеть остальное. Сюжеты и сцены возникали перед мысленным взором вспышками, неуловимыми двадцать пятью кадрами. При этом действие оказалось именно такое, как у пресловутой сублиминальной рекламы – Витя чувствовал, что на подкорку ему что-то запало. Отличие же заключалось в том, что это «что-то» было именно тем, в чём нуждался Витя, а не тем, что хотел впарить рекламодатель. Он решил завтра же вернуться к дяде Коле вместе с замерщиками, заодно захватив с собой образцы древесины, чтобы по возможности ускорить процесс. Эскизы будущих панно были необходимы еще и с чисто практической точки зрения. Ясно, что по большей части резку по дереву придется выполнять вручную. Даже беглого взгляда на чертежи хватило чтобы понять – на станках такой рельеф не выточить. Конечно, существовали сложные компьютеризированные станки, способные перенести на деревянную панель рисунок любой сложности. Только вот Витя такими не располагал. Зато он обладал другим не менее ценным ресурсом – человеческим. В его мастерской работала небольшая бригада, всего пять человек. Когда-то Витя потратил немало времени на подбор

этих кадров, и не раз пришлось оступиться. К собственному счастью он быстро понял, что не следует искать «чудо-мастера», который может и умеет все на свете. Даже если такой персонаж и существовал в реальности, он вряд ли устроил бы Витю. Чутье подсказывало, что не следует завязывать весь производственный процесс на одном человеке. Слишком опасный подход. Дело даже не в том, что вероятный форс-мажор – болезнь, увечье или запой, угрожает всему бизнесу, гораздо опаснее то, что при такой модели рано или поздно будет потеряна граница между хозяином и подчиненным. Так что подбирая работников Витя искал не людей, а функции. Один был хорош в рельефной резьбе, другой – в сквозной, третий – мастер скульптурной резьбы, и т. д. Постепенно команда сложилась. Сотрудников Витя держал на хорошей зарплате, что также являлось залогом стабильности созданной системы отношений. Его работники понимали, что исходя из собственных навыков и квалификации, они вряд ли смогут найти работу с лучшим заработком. И в этом заключался парадокс. Казалось бы, чем уже специализация, чем изощреннее владеет ей сотрудник, тем больше он должен цениться. На деле же получалось обратное: все искали как раз такого на все руки мастера, чтобы и тещ, и жнец, и на дуде игрец. Вероятно, в корнем лежала тупая алчность нанимателей и работодателей. Мол, если сотрудника нельзя припахать на максимальное число задач, значит он плохой сотрудник, где-то не доучился. И будь он хоть сто раз гением в своей узкой области, платить ему нужно по минималке. Разглядев этот парадокс, Витя научился им пользоваться. Он шел против общей тенденции и конкретные навыки ставил выше многозадачности. Так он сформировал бригаду прекрасно работающую, как единый организм, с четким распределением ролей. Фактически, его бригада и представляла собой того, столь желанного многим, «чудо-мастера». Главным же преимуществом, в отличие от противоположной модели, была относительно легкая заменяемость выпавшего звена. Благодаря кривизне системы узкие специалисты шатались неприкаянными тенями всюду.

Пока звенья не выпадали, а слажено работали. Текущей главной задачей Вити стало перераспределение сил. Он уже знал, кого поставит на выполнение заказа, оставалось только грамотно освободить его руки от другой работы. И тут требовалось подключить еще один механизм его предприятия, который до поры до времени функционировал без сбоев. Контролем над выполнением заказов, и вообще производственными вопросами занимался его компаньон Валера. В самом начале Витя самостоятельно управлял производством, налаживал процессы, договаривался с поставщиками, занимался поиском клиентов и расширением базы. По мере роста предприятия становилось все сложнее управлять в одиночку. Тогда-то Витя и обратил внимание на толкового и работоспособного завхоза. Получив новые полномочия, Валера с энтузиазмом принялся за работу и очень быстро стал исполнительным директором. Титул этот очень понравился Валере. Хотя в сущности он ничего не менял. Валера по-прежнему оставался наемным сотрудником на зарплате. Витя был им доволен, он отлично понимал, что успех его предприятия в большей степени зависит от качества управления, чем от качества производства. Так что ему было все равно, каким статусом наделить Валеру – хоть императорским. В последнее время, правда, Витя стал замечать, что многие заказчики ассоциируют его компанию именно с Валерой, для многих именно он был лицом фирмы. А сам Витя все больше уходил в тень. Он не знал как к этому относиться. С одной стороны публичность и статусность никогда не являлись для него приоритетами, с другой – такое положение укрепляло реальную власть Валеры. В конце концов, Витя мог оказаться в зависимом положении. В принципе он предвидел такой вариант и подготовился. Тут главное не упустить момент, когда Валера окончательно оборзевает. Витя чувствовал, что событие это не за горами, но сейчас оказалось не до того. Новый заказ будоражил его ум куда сильнее небольшого внутреннего противостояния с Валерой.

Обратно в Коломну он добрался лишь во второй половине дня. Офис располагался недалеко от центра города. В сущности офис – название чересчур громкое. Скорее просто рабо-

чий кабинет в подсобном помещении при магазине. Магазин также играл роль экспозиционного зала, где выставлялись лучшие работы – резная мебель, дверные и зеркальные порталы, несколько деревянных скульптур и кое-какая декоративная мелочь. В кабинете стояло три стола, плотно придвинутых друг к другу. За одним из них сидела Аня. Девушка совмещала роли секретарши, менеджера по продажам и рекламного агента. В общем выполняла всю ту работу, до которой не доходили руки ни у Вити, ни у Валеры.

– Привет, – поздоровался Витя.

– Привет, – улыбнулась Аня.

– Валера уехал?

– Да. С утра был, а сейчас на складе...

– Понятно. Мне завтра Толя нужен будет. Отвезу его на объект, нужно замер сделать и расчеты...

– А он заболел.

– Как заболел?

Аня пожала плечами:

– С утра позвонил, сказал, что не выйдет.

Витя задумался.

– Ладно. Решим. Где у нас образцы?

– Какие?

– Твердые, премиум.

Аня достала из ящика стола каталог, протянула Вите. Он пролистнул несколько страниц, на каждой по несколько изображений деревянных брусков, полированная поверхность, срез, варианты тональности и описание характеристик – твердость, плотность, устойчивость к гниению и т. п. Витя захлопнул каталог, сунул его под мышку, встал из-за стола.

– Я отъеду. Скинь мне Толин номер. Мне он на завтра нужен, – еще раз повторил он.

– Хорошо, – ответила Аня.

Витя решил съездить в мастерскую. По опыту он знал, что рисунок в каталоге может отличаться от реальной доски и по цвету и по фактуре. И не просто может, а практически всегда отличается. Поэтому хотел набрать живых образцов. Облагаться на такой мелочи как оттенок материала ему совершенно не хотелось.

Под мастерскую Витя арендовал помещение на станкостроительном заводе, на окраине города. Еще одна бесспорная прелесть небольших провинциальных городов – другой конец города всегда рядом. Склад располагался тут же неподалеку, так что Витя надеялся застать там Валеру и расспросить про Толю, если не удастся дозвониться. Весть о его внезапном недуге слегка насторожила Витю. Очень уж некстати он случился. На замерку, конечно, можно было взять любого мастера, но гораздо лучше, когда исполнитель видит фронт работ своими глазами. Тем более в этом случае. Толя как раз специализировался на рельефной резьбе, и, учитывая специфику предстоящей работы, мог предложить что-нибудь дельное.

В мастерской Витя застал двоих рабочих – Лёню и Мишу Техасца. Последний получил свое прозвище за пристрастие к скульптурной резьбе бензопилой. Двое других уехали на объект, устанавливать резные наличники на окна загородного дома.

– Здорово, мужики, – поприветствовал рабочих Витя. – Что с Толей-то случилось?

– Не знаю. С утра его не было, – ответил Миша.

Лёня просто развел руками, мол, знать не знаю.

– Сильно занят? – спросил его Витя.

– Могу отвлечься, – Лёня был флегматичный мужик, выглядел лет на пятьдесят, хотя на самом деле только-только перевалил за сорок. На лице его застыла вечная гримаса недовольства, он, не скрываясь, жаловался на условия труда, недостаточную оплату, неудобный график, сверхурочные и срочные заказы, при этом всегда выполнял работу в срок, без пону-

каний, и вообще, кажется, из всех был самым надежным сотрудником. Витя знал, что Леня не уволится даже если ему снизить зарплату, только станет больше ныть. Такой уж типаж – любитель пострадать и пожаловаться на горемычную судьбу.

– Найди мне обрезки доски. Такие десять на десять примерно, – не замечая кислого выражения на Ленином лице, попросил Витя.

– Какой доски-то?

Витя задумался:

– Давай, палисандр, ипе, гренадил, ятобу и бакаут.

Леня побрел искать нужные обрезки.

– С палисандром молдован вчера работал. Посмотрите на верстаке у него, – сказал Леня, удаляясь вглубь мастерской, где хранились расходники.

Молдованом звали Толю. По понятным причинам. Витя подошел к верстаку. Рабочее место было аккуратно прибрано. Вообще Толя славился своей чистоплотностью. Никогда не оставлял после себя стружек, опилок и даже просто пыли. В конце дня он буквально надраивал рабочую поверхность. Сейчас же на столе лежал тонкий слой пыли. Из-под верстака Витя вытащил большой полиэтиленовый мешок, куда выбрасывали куда не годные обрезки. Выволакивая мешок, он обратил внимание на еще одну странность: обычно под столом Толя держал ящик со своим инструментом, сейчас его не было. Переносить или переставлять вещи с привычных мест Толя бы не стал, это не в его характере, как никто из мастеров не решился бы взять Толины инструменты. Значит, взял их сам Толя.

– Есть подходящее? – поинтересовался Техасец.

– Не, пойду там гляну, – Витя задвинул мешок обратно, даже не раскрыв, и ушел вслед за Леней.

Смутная догадка в считанные секунды превратилась в уверенность, не хватало только очевидного доказательства. Такое мог предоставить Леня. Разговорить его проще чем Мишу. Витя знал, что между Леней и Толей идёт конкуренция. Само по себе это казалось странным, поскольку заказы у них не пересекались. Леня специализировался на плосковыемчатой резьбе, а Толя – по рельефу. Иными словами, они занимались прямо противоположными типами работ. Да и сами были настоящими антиподами: Леня – тощий и пыльный флегматик, Толя – чернявый, коренастый крепыш, налитанный жизнерадостным солнцем родной Молдовы. Кстати, Толя представлял собой очередное доказательство пользы нестандартных подходов. За молдавскими тружениками давно закрепилась не самая лестная слава. Мол, если рабочий молдован – пиши пропало, руки приставлены к такому месту, что на них ходить можно. Толя же опровергал этот миф. Вкалывал, как робот, много и качественно. Витя разглядел эти способности и не повелся на общее мнение. Наверное, Леня завидовал Толиной легкости и сноровке. Между ними постоянно шла борьба. В сущности, совершенно абсурдная, поскольку каждый все равно оставался на своем месте. Но производственному процессу это не мешало, даже наоборот. Витя не сомневался, что Леня с радостью заложит Толяна. Вопрос только в том, стоит ли так поступать? Сделать одного из рабочих стукачом – поступок не дальновидный. Люди-то простые. Начнут качаться, ссориться. Как ни странно, но любая междоусобная вражда шла на пользу рабочим процессам, но ровно до тех пор, пока в нее не встревало начальство. Стоило этому произойти, и любой самый крепкий коллектив раскалывался на «государственников» и «оппозицию». Тут тоже был один нюанс. Все знали, что Витя в целом не против леваков. Если у рабочего хватало времени и сил выполнять заказы на стороне, не в ущерб текущей работе, так и пусть его. Иногда это даже оборачивалось на пользу. Левые клиенты в конце концов сами приходили к Вите с более крупными заказами. Однако чутье подсказывало, что Толя не просто левачит. Тут что-то другое. И если Леня подтвердит Витины опасения – это будет прямым стукачеством. Тогда, чтобы не допустить шатаний, придется уволить и Толю, и Леню, а сейчас это недопустимо.

Узкое, длинное помещение, со стеллажами вдоль стен служило хранилищем расходных материалов. Леня копошился возле стеллажей, заваленных образками досок, и бормотал себе под нос. На полу неровной башенкой были сложены найденные обрезки.

– Все нашел? – спросил его Витя.

– Бакаута нет, – чуть помедлив, ответил Леня. – То есть, есть, записали куда-то... Я давно предлагал – раскладывать по сортам, ну или хоть по видам. Чтобы как в библиотеке... Ни кому на хрен не нужно. А вот так коснется...

Витя посмотрел на отобранные обрезки. Взгляд его зацепился за довольно большой кусок массивной доски из древесины ипе, бразильского ореха. Темно-коричневая поверхность, с небольшим уходом в красноту, фактура тонковолокнистая, с причудливым переплетением. Конечно, он рассматривал этот материал в качестве основного для будущих панно, проблема только в том, что цветовой спектр у этой древесины сильно играл, в зависимости от региона произрастания. Фактически придется каждую доску подбирать индивидуально. В этом смысле с ятобой работать было бы проще...

Витя поднял обрезок:

– Лёнь, пилани мне вот этот на три части. Бакаут сам поищу.

– Как знаете..., – Леня взял доску и почти уже вышел.

– Толя-то давно не работает? – как бы невзначай спросил Витя.

Леня явно замялся.

– Не работает? А когда он работал-то? – недовольно бормотал Леня. Он как будто бы и не отвечал на вопрос, а просто бухтел про себя. В то же время Витя видел, что Леня судорожно соображает, ищет как бы извернуться, совсем уйти от ответа.

Вите стало жалко его. Он решил не принуждать Леню к ответу. Да и сама его реакция достаточно красноречива.

– Ладно, иди. Разберемся..., – сказал Витя.

Леня с необыкновенной поспешностью выскочил из хранилища, но видимо с кем-то столкнулся.

– О, здорово! – услышал Витя бодрый голос Серого – их водителя. – Всё баклуши бьешь? По углам ныкаешься?

Серый был болтливым и бесцеремонным мужиком. Любил поиздеваться над Лениной угрюмостью, дразнил его «Лёнчик в тумане». Витю он не видел, поэтому говорил свободно.

– А я как пес с утра ношусь! Не то, что вы тут. Сидите себе, стружку снял, пошел чайку выпил. Да, Лёнь? Никто вас тут не трогает. А меня Валера задрочил – сил нет. Теперь еще молдавана этого, туда привези, отсюда заberi! Я что ему таксист? Вот, гадом буду, пойду к Виктору жаловаться... Ты чего лыбишься-то, Ленчик? Вот, чудак! Куда пошел-то?

Вот так просто, все и прояснилось. Витя давно усвоил правило, чем меньше напрягаешь ситуацию, тем естественнее она разрешается. Валера гоняет Толю на левые заказы. Проблема обозначилась предельно ясно. На Толю он совершенно не злился. Глупо винить молоток за то, что он пришелся тебе на палец. А вот Валера... Витя жалел только о том, что этот вопрос не удастся отложить на потом. Однако главное – теперь он знает. Информированность – залог успеха в любом деле. В принципе, все складывалось даже не плохо. Толю он завтра по любому выгащит на заказ. Болезнью тот не отговорится. Значит, планы Валеры уже будут нарушены. Лучше всего будет, если он отправит кого-то другого доделывать Толину работу. Хорошо бы Леню... Витя решил это устроить. Отправит всех на склад, отбирать доску бразильского ореха, в мастерской оставит только Лёню. Или еще что-нибудь придумает. Пускай Валера подергается. Хотя все это не кстати, очень не кстати...

*Спокойствие многих было бы надёжнее,
если бы дозволено было относить все
неприятности на казённый счёт.*

Козьма Прутков

2

Масляные лампы мазали оранжевые блики по грубой штукатурке стен, все же не достигая низкого свода потолка. Из-за этой смыкающейся над головой тьмы тяжесть нависающего потолка ощущалась почти физически. Лампы были расставлены на приличном расстоянии одна от другой, так что, двигаясь по коридору, приходилось то нырять в полумрак, то выходить на свет. Поэтому Витя не мог толком разглядеть идущего впереди человека. Он и себя-то толком разглядеть не мог. То есть не себя, а того кем он обернулся. Словно в компьютерной игре, Витя парил невысоко над макушкой своего персонажа. Крупный мужчина в казацкой меховой шапке и плаще с меховым же подбоем. Шедший впереди носил короткий кафтан с широким кожаным поясом и кривой саблей у левого бедра. Сзади шел еще кто-то, судя по металлическому звону – стражник каземата. Неизвестно откуда, но Витя знал, что идут они по коридорам тайной темницы Казанского кремля. Коридор изломился вниз на три ступени и снова потянулся вперед. В молчании прошли еще шагов двадцать, дойдя до глухой стены, остановились. Налево была низенькая, окованная железом дверь, на массивных петлях. Витина догадка о втором спутнике оказалась верной. Только почему-то стражник одет был в монашескую рясу, на поясе его действительно висело большое кольцо со множеством ключей. Отбрав нужный, он отпер замок. Другой спутник потянул тяжелую дверь, нижняя грань ее сильно скребла по полу, шум отдался в длинном коридоре и угас, словно канув в морскую глубь. Витин персонаж первым переступил порог каземата. В углу, на жиденьком снопке соломы сидел человек. Выглядел он перепуганным и несчастным. Стражник-монах внес лампу и поставил на пол. От света человек сжался еще больше, заслонил лицо рукой, показав вошедшим грязную мозолистую ладонь.

– Неужель этот? – заговорил Витин персонаж, обращаясь к своим спутникам. В голосе его звучала ни то насмешка, ни то удивление.

В то же мгновение человек чуть опустил руку, посмотрел поверх нее на вошедших. Он щурился, будто силясь разглядеть лица. Взгляд его внезапно замер на лице Витино персонажа. Сначала послышался только сиплый свист, а потом смех. Монах отступил назад. Из широкого рукава своей рясы он быстро вытянул шелковый шнур, кинулся словно кошка и набросил его на шею Витиному персонажу. Тот попытался отшвырнуть убийцу, но второй спутник сбил его с ног. Витя медленно поднимался все выше и выше. Уже гораздо выше, чем мог быть потолок в таком каземате. Внизу он продолжал наблюдать яростную, но предпринятую борьбу. Слышал клочот влажных хрипов, видел судорожно замолотившие пол ноги. Конечно, боли он не чувствовал, но вместе с жертвой переживал ужас от непоправимости случившегося.

Витя открыл глаза. Пережитый во сне тягучий страх неизбежности придал утру неприятные тона. В любом событии он привык искать скрытый посыл или урок. И такое сновидение настораживало. Он понимал, что могло быть источником подобного сна. Образно говоря, Валера тоже держал для него шелковый шнур в рукаве. Но, во-первых, Витя совершенно не собирался настолько драматизировать ситуацию, во-вторых, подобное толкование казалось слишком прямолинейным, даже отдавало какой-то фрейдистской пакостью. За виденной сценой пряталось что-то другое, пока не разгаданное. Однако на толкование сновидений времени не оставалось. Требовалась максимальная концентрация на реальности.

Витя осуществил свой замысел и вызвал Толю. Тот попытался было отвертеться от поездки, но сдался довольно быстро. Из чего Витя также сделал выводы: тайное сотрудничество с Валерой не доставляет ему большого удовольствия, вернее – не приносит достаточно

выгоды. Теперь следовало ждать звонка от самого Валеры, посмотреть на реакцию. Но тот не торопился выдавать себя.

Витя подобрал Толю по пути в Николину гору. Толя держался легко, как обычно. По дороге все время болтал за жизнь. Смеясь, рассказывал о своих злключениях в ФМС, о том, что жену его депортировали и занесли в список не въездных, поэтому они развелись и жена его фиктивно вышла замуж, чтобы въехать в Россию под новой фамилией. И вот теперь, ждет пока кишиневский паспортный стол выдаст ей новый паспорт, и хорошо бы побыстрее, потому что участок они уже купили и посадили огород и птицу завели, а кому за этим приглядывать? Витя слушал, но как только в Толином монологе возникла пауза, спросил:

– Толя, кто тебя на работу брал?

Толя чуть замешкался, вопрос казался настолько простым, что не мог оказаться без подвоха.

– Вы, – растеряно хлопая глазами, ответил он.

Витя кивнул, словно бы удостоверившись в том, что Толя верно понимает ситуацию. Как и ожидалось, этот короткий вопрос и последовавшая реакция, произвели на Толю правильное впечатление. Витя уважал ораторское искусство и людей, владевших им, но в то же время знал, что порой не нужно никакого красноречия, чтобы внушить собеседнику необходимую мысль. Теперь Витя убедился – Толя понял, что ему известно о его маленьких проказах с Валерой, и ему предстоит сделать выбор, с кем работать? Остаток пути Толя задумчиво молчал.

Когда они уже подъехали к воротам участка, телефон у Вити зазвонил.

– Витя, привет! – раздался в трубке бодрый голос Валеры. – Ты чего это, сам по заказчикам стал ездить?

Валера давно усвоил эдакую ироничную манеру общения, когда речь у них с Витей заходила о производственных вопросах. Мол, любое вмешательство Вити непосредственно в эти процессы – не больше чем барская прихоть.

– Желание клиента, Валер, – спокойно ответил Витя. Он не обращал внимания на его колкости. В конце концов, дело свое Валера знал, работал исправно, а Витя – не хрупкая курсистка, чтобы требовать к себе нежного обращения.

– Это, конечно! Слушай, а чего он тебе-то позвонил? Кто-то из старых что ли? – расспрашивал Валера.

Витя на мгновение задумался. Это действительно странно. Уже пару лет он не оставлял свои личные контакты на рекламе фирмы. Заказчики звонили или на Валерин номер или в офис. Может, правда, кто-то из старых заказчиков скинул его номер дяде Коле? Ворота раскрылись, Витя тронулся вперед, но тут же затормозил. Навстречу выезжала другая машина. Пришлось резко выворачивать руль двумя руками.

– Не, не из старых, – сказал Витя, неудобно прижимая трубку плечом к уху. – Не могу говорить. Потом обсудим...

Витя сбросил звонок и оглянулся. Ворота уже закрывались, так что он толком не успел разглядеть машину, только самые общие черты – наглухо тонированный «мерин» представительского класса. И все же он успел заметить главное – номер автомобиля. Вернее, его отсутствие. Ему приходилось слышать, что это новая, модная фишка в кругах высшей власти. Всякие там магические буквенные сочетания в регистрационных номерах типа «А... МР», «Е... КХ» и т.п., остались для среднего и высокого звена государственных управленцев, а верхушка решила обходиться вообще без опознавательных знаков. На дорогах Витя таких машин пока не видел, что в общем-то и не удивительно. По Москве он ездил не так уж часто. Возможно, это был очередной урбанистический миф о власти имущих. Витя склонялся именно к этой мысли, особенно теперь. Что бы мог делать такой персонаж на даче у... Собственно, кем был дядя Коля? Да, неважно! Все равно не может быть. Наверняка, кто-то из богатых родственников

заехал, похвастаться «обновкой», и может прямо сейчас едет в ГИБДД регистрировать авто, а транзиты не поставил из пижонства. Телефон снова зазвонил. Опять Валера.

– Вить, ты Толю надолго увез? – сразу начал он и довольно агрессивно.

– На весь день. А что?

– Да, нет... Ничего. Просто тут текучка..., – должно быть Валера не был готов к такому прямому ответу. Однако, нашелся довольно быстро. – Ты, конечно, не в курсе, но у нас сейчас горячая пора. А ты еще всех на склад отправил. Хоть бы посоветовался. Ты там какой-то заказик нашел, теперь все должны все побросать, так что ли?

– Не парься, Валер. Я знаю, что делаю.

– Ага. В общем так, Леня один не вытягивает. Скажи, где вы, я подъеду заберу Толика сразу как он закончит, чтобы время не терять.

– Да, чего тебе мотаться? – Витя продолжал играть в простака. – Давай, я сам его подвезу. Скажи куда?

– В смысле – куда? – снова растерялся Валера. – В мастерскую...

Он явно насторожился. Да, и Толя тоже. Витя заметил краем глаза, как он подобрался.

– Без проблем. Значит, там и увидимся. Всё, отбой.

Витя оборвал разговор, не дав Валере возможности ответить. Пускай он без истерик относился к серым начинаниям своего управляющего, но облегчать жизнь ему точно не собирался. Хочет завести свой бизнес, так пусть поучится решать непредвиденные проблемы. Глядишь и передумает. Насчет Толи беспокоиться вообще не стоило. Он хоть и выглядит простоватым, но соображает очень хорошо. А когда увидит предстоящий заказ, то вообще никуда не денется.

– Пошли, Толь, – скомандовал Витя, подхватил кожаный портфель с образцами дерева и первый вышел из машины.

На этот раз дядя Коля не вышел встречать. Дождался в доме. Витя отправил Толяна делать замеры, а сам прошёл в кабинет. Дядя Коля сидел за столом и читал что-то с экрана ноутбука.

– Надеюсь, мы вас не отвлекли, – сказал Витя.

– Нет. Вы как раз вовремя, как мы и договорились, – дядя Коля как будто удивился.

– Просто, у вас были гости...

– Скорее посетители, – улыбнулся дядя Коля. – Не беспокойтесь, я прекрасно умею управлять своим временем. И сейчас, не хотел бы его тратить...

– Да, конечно, – Витя раскрыл портфель и разложил на столе образцы.

Дядя Коля внимательно осмотрел их, провел рукой по поверхностям.

– Давайте-ка, еще раз на чертежи взглянем. Так нагляднее будет, – сказал он, наконец. – Я специально для вас копию подготовил, сможете ее забрать.

Сдвинув дощечки на край стола, он разложил над ними чертеж. Витя ждал этого момента и собственно ради него приехал сам. Что-то подсказывало ему, что он и на этот раз увидит в рисунках совпадение со своим сном. Но ничего похожего, даже отдаленно, отыскать не получилось. Вообще, теперь он заметил, что картины по большей части представляют собой красочные, развернутые аллегории, преисполненные особой символикой. Наверное, подобные символы можно было бы назвать масонскими, каббалистическими, астрологическими или даже сатанинскими, в зависимости от приверженности смотрящего к той или иной традиции. Витя был никудышным эзотериком, поэтому толкованием и даже обыкновенной характеристикой символики заняться не спешил. И все же, сколь странно не смотрелись бы картины, некоторые персонажи узнавались легко. Так, без сомнений Витя опознал Петра Первого. Российский Император участвовал в нескольких сценах, особенно Витино внимание привлекла та, на которой Петр, преклонив колени, принимал дар от условных иноземцев, на их протянутых руках лежала маска двуликого бога. На всех остальных картинах Петр появлялся только в маске.

А на одной из последних картин с его участием появилась еще одна фигура, в такой же маске и такой же одежде, как и у Петра. Как и все остальные сюжеты, эти изобиловали всевозможными пирамидами, звездами, солнцами, геральдикой, мифологическими тварями и прочим. Правда, последние элементы в массе своей служили фоном, на первом плане всегда оставались люди. Видимо, воплощенные в дереве, они должны были выступить на перовом уровне рельефа, а символика уйти на второй и третий.

– Итак, что скажете? – спросил дядя Коля.

Должно быть он и до этого что-то говорил, но Витя слишком увлекся картинками и не слышал.

– Решение за вами, – быстро нашелся он. – Насколько я понимаю, для вас эстетика, так сказать в приоритете... По параметрам твердости, устойчивости к влиянию среды все образцы схожи. В любом случае, вы получите свое вечное дерево.

Дядя Коля снова задумался.

– Тогда остановимся вот на этом, – он тронул дощечку ипе.

– Отлично, – Витя убрал остальные образцы в портфель.

– И такой вопрос – как будет выглядеть исходное полотно?

– В смысле? – Витя не сразу понял, что имеет в виду дядя Коля. – После замеров рассчитаем точную ширину каждой панели, исходя из этого соберём полотно из нескольких досок...

– А из одной широкой доски нельзя будет сделать?

Витя чуть растерялся. Хоть замеры еще и не были готовы, но и так было ясно, что панели слишком широкие. Массив такой ширины...

– Так что скажете? – дядя Коля как будто терял терпение. – Найдется у вас такой материал?

– В наличие доски такой ширины мы не держим, – Витя быстро выходил из ступора. – Но по спецзаказу можно привезти.

– Ну и хорошо, – подвёл итог дядя Коля.

– Но это дополнительное время и стоимость конечно...

– Я не тороплюсь. И вам не советую, – ответил дядя Коля.

Витя не успел ничего ответить, в дверь кабинета постучали.

– Можно? – раздался Толин голос.

Витя вопросительно посмотрел на дядю Колю.

– Я бы предпочел остаться здесь, – он слегка понизил голос, видимо, не желая быть услышанным. – С вашим человеком, вы и без меня справитесь, а видеться нам ни к чему.

Витя кивнул. Пару раз ему уже попадались клиенты, которые желали оставаться инкогнито. Что ж, желание клиента...

– Хорошо. Только позвольте..., – Витя указал на эскизы.

Дядя Коля сделал приглашающий жест рукой.

– Закончил? – спросил Витя, выйдя за дверь.

– Да. Прикинул. Площадь хорошая, можно работать, – Толя говорил с характерным певучим говорком.

– Пойдём, глянешь эскизы, – позвал его Витя.

Они вернулись в пустую комнату, Витя разложил чертёж прямо на полу.

– Ой-ё! – Толя покачал головой, увидев картины. – Из бразильского ореха резать хотите?

Витя кивнул.

– Сразу стамесок закупить побольше нужно, – улыбаясь, сказал он. – На одной такой доске, я свой инструмент до рукоятки сточу.

– Это еще не всё, Толя. Клиент хочет из единого полотна резать

Толя посмотрел на Витю, растеряно улыбаясь, как будто не понимал, шутит он или говорит серьезно.

– Зачем? – переспросил он. – Сгоним доски заподлицо, стык заполируем, даже не угадаете где он.

– А со временем не рассохнется?

– С каким временем? Через сто лет что ли?

Толя снова улыбался, но Витя оставался серьезным.

– Желание клиента, – сказал Витя. – Сколько там получается?

Толя посмотрел свои записи, глянул на чертежи:

– Всего десять панелей... Ширина семьдесят будет.

– Вполне реально, – Витя прервал его, чтобы Толя не начал дальше распинаться о сложности и невозможности работы. – Справишься с такой задачей?

– Да. Я всю жизнь руками работаю. Полотно найдете, всё сделаю.

– Знаю, Толь, но сам видишь... Работа не простая.

Толя вздохнул и развёл руками.

– Установку как делать будем? – спросил он.

– В смысле?

– Ну, располагать? Вплотную или чтобы зазор между панелями остался?

– Вплотную, так чтобы полностью стены закрыты были.

– Тогда одну нужно больше брать. Та стена, где дверь, слева от угла до проема восемьдесят пять. Если из массива делать, так надо сразу такой ширины и заказывать.

– Значит, лучше сразу разметить, где какая панель стоять будет, установить последовательность, так? – уточнил Витя. – Последовательность должна соблюдаться строго. Иначе бардак будет...

– Тогда прямо на чертеже пометки сделаем? – спросил Витя.

– Конечно, это наша копия, рабочая. Делай разметку, а я пока детали с заказчиком утрясу.

Толя снова взялся за карандаш и рулетку, а Витя вернулся в кабинет.

– Может, чаю пока ваш человек занят? – предложил дядя Коля.

– С удовольствием, – ответил Витя.

На самом деле Витя чувствовал смущение. То, что ему не удалось найти картину своего сна в чертежах, странным образом тревожило его. Главное же, он и сам не мог определить причину этой тревоги. То есть, с чего он вообще взял, что его сны и чертежи так плотно связаны. Просто исходя из первого совпадения, того самого гнедого битюга? Это и правда могло быть лишь совпадение. Странное, почти мистическое, но все же – лишь совпадение. С другой стороны, он понимал, что его чувства и интуиции основаны вовсе не на зримых образах, а на чем-то вечно остающимся за покровом видимого (даже во снах) мира. Когда-то давно он прочел притчу о каббалистах, которые выходят из дому за хлебом, не имея ни копейки денег, они просто уверены, что вселенная подарит им эту необходимую буханку. Как именно это произойдет – не важно, просто это должно случиться и всё. Витя хоть и оставался недостижимо далеко от иудаистской магии, зачастую ощущал себя именно таким каббалистом. Если он был уверен, что событие произойдет, он происходило. Практически всегда. Сегодня же коса нашла на камень. Витя понимал, что упускает нечто важное.

Они спустились на первый этаж, на кухню. Эта часть дома также не поражала изысканностью или утонченностью интерьера. Светлые крашенные стены, белый холодильник в сувенирных магнитах, гарнитур «уголок», небольшой квадратный стол на четыре человека. Единственный элемент украшения – небольшие формата А4 репродукции в рамочках, что-то вроде эскизов машин Леонардо Да Винчи. Между ними висели небольшие квадратные рамки, в них под стеклом разнообразные морские узлы.

Дядя Коля поставил чайник на газ. Витя сел за стол.

– Если не секрет, о чем эти чертежи? – Витя решился спросить прямо, настрой был не тот, чтобы пускать ум окольными путями.

– Может, просто декорация? Для красоты? – дядя Коля все еще стоял у плиты, и отвечал не поворачиваясь.

Витя еще раз окинул взглядом кухню.

– Вы уж меня извините, но не похоже, что у вас есть тяга к какому-то особенному декору.

– А как ты сам думаешь, что там изображено? – дядя Коля повернулся к нему лицом.

– Очевидно, ряд исторических сюжетов. Просто они какие-то... Слишком иносказательные что ли...

Дядя Коля смотрел на Витю, как на младенца, пытающегося объяснить логарифмическое уравнение, мол, сама попытка достойна всяких похвал и наивность очаровательна, но результат нулевой.

– Я могу ответить на твой вопрос, – сказал он. – Просто потому что однажды решил никогда не врать. Но сначала я должен понять две вещи, первая – зачем тебе это знать? Удовлетворять простое любопытство, ни твое, ни чье бы то ни было еще, я не собираюсь. Я уже говорил, что дорожу своим временем. Второе – готов ли ты услышать и понять мой ответ?

– Думаете, не выдержу правды? – прямота дяди Колиных слов, подталкивала к дерзости.

– Не уверен, что ты готов поверить в правду. Ведь, лож куда привлекательнее и привычнее. Для правды всегда нужно быть готовым, в том числе интеллектуально.

– Ну, я конечно не академик..., – Вите этот разговор становился все интереснее, его нисколько не задевали сомнения дяди Коли в его умственных способностях. Он-то в себе не сомневался, значит и обижаться не на что. Да и давным-давно почерпнутая у дворовой шпаны истина – «на обиженных срать ездят», крепко засела в его сознании.

– Причем тут это? – махнул рукой дядя Коля. – Как раз академику-то зачастую элементарную истину долбить не получается. Он ведь – академик! А при этом не понимает, что образование – способ формовки людей. Как кондитер тесто в формочки помещает и в духовку ставит. На выходе румяные печенки. А он со своими докторскими уже в такую ковригу спекся, что хоть гвозди заколачивай.

– Хотите сказать, образование не помогает понимать истину?

– Если речь о формальном образовании, то нет. Ни образование, ни воспитание. Сам смотри, вот этот твой рабочий, – дядя Коля кивнул в сторону второго этажа, где работал Толя. – Он что говорит? Я, говорит, руками работаю. А почему?

Витя пожал плечами. На самом деле в уме его сверкнула совсем другая мысль – как дядя Коля услышал Толины слова из кабинета? Может, где-то в комнате скрытая камера с микрофоном? Что ж, возможно... Во всяком случае понятно, почему хозяин запросто позволяет расхаживать посторонним людям по дому. Однако толком это обдумать не получилось, дядя Коля продолжал:

– Потому что его так научили – есть люди, которые руками работают, а есть – которые умом. Но это же чушь, притом откровенная! Сколько всего ему нужно знать, чтобы просто распланировать мой заказ? А когда вырезать начнет, что головой работать не будет? Причем очевидно, что котелок у него варит. И все равно – я руками работаю, думают пускай другие. И то же самое – люди интеллектуального труда. Возьми любого интеллектуала, самого отвлеченного, физика теоретика там, все равно, создавая свою теорию струн, он создает абсолютно реальный продукт, физически выраженный в виде книги или статьи в интернете или фильма. И все эти объекты создаются руками, а не одним только умом.

– То есть, по-вашему, нет разницы между книгой и табуреткой?

– Я говорю о том, что работа ученого и столяра не имеет сущностных различий. И то и другое – производительный труд. Разделять человеческую деятельность на умственную и физическую – не имеет смысла. Тем не менее, это делается. Для чего? Подумай сам.

Витя действительно задумался:

– Так не может быть, – сказал он.

Дядя Коля удивленно поднял брови. Чайник на плите засвистел.

– Почему же? – спросил он, наливая кипятком в чашки.

– Всегда существуют полюса. Не знаю, как это объяснить, но ведь очевидно, что общество – не единый муравейник, где все что-то производят. То есть, достаточно посмотреть в окно... Да и производительный труд, он не однородный и не равнозначный, – Витя говорил сбивчиво, просто он не привык рассуждать на подобные темы.

– Ты знаешь, что в Древней Греции не существовало разделения на ремесло, искусство и науку? Все это называлось одним словом – техно. Это и было залогом общественного равенства. Все как заводные болванчики кричат – демократия! А какая может быть демократия, если общество принципиально разделено. Ты профессор – получай малиновые штаны. А ты пэт-эушник – тебе оранжевый жилет. Не может быть никакого равенства, если одна часть общества ощущает себя чумазыми чмошниками, а другая – раздувается от сознания принадлежности к интеллектуальной элите. А им в уши льют – вы одинаковые, у вас равные права. Они смотрят друг на друга, и как ты говоришь – в окно, и понимают... Вернее, ничего не понимают. Кто посообразительнее, до того доходит, что равны они только в одном – в одинаковом бесправии. Вот тебе и расклад.

– Почему же у греков получилось, а больше ни у кого не получается?

– Ну, тут разные факторы...

– Типа другая ментальность?

Дядя Коля засмеялся:

– Ты хоть сам понимаешь, что кроется за этой фразой? Ее часто произносят, с экранов политики там, социологи и прочие знатоки. А обозначает она очень простую вещь: людям говорят – построить гармоничное, справедливое общество не получается, потому что вы стадо дебилов, и годитесь только на заготовку рогов и копыт. И это на самом деле так.

– И все-таки почему? Не могут все быть дебилами.

– Во-первых, нужно не чтобы все были дебилами, а всего лишь большинство. Потом, может тебе это покажется странным, но дебилами не рождаются, а становятся. Клинических дураков не так уж много. Поэтому дебелизм приходится воспитывать. Если тебе интересно, как это делается посмотри на программы Министерства образования... Ну, а если возвращаться к грекам, у них все получалось благодаря одному существенному факту, который упускают все современные ударники демократического строительства: в греческих полисах строго регулировалась численность населения. Они там рассчитали – стабильное общество на данной территории может быть построено при таком-то количестве участников. То есть нашли меру. Но поскольку жизнь в полисах складывалась благополучно, то численность населения росла. Вот, и когда она достигала определенного предела, часть граждан откалывалась и шла в чисто поле, строить свой новый полис.

– Получается модель-то рабочая.

– Да. Только не всем она нравилась. И параллельно существовала другая – египетское рабовладельческое общество. Мощнейшая система, к тому же стремящаяся к расширению. А в самом Египте куда расширяться? Плодородная долина Нила, а вокруг пустыня. Значит, нужно приобретать другие страны. Вот, к египтянам и приехал умница Платон, поучился и написал свое «Государство», в котором общество построено в виде пирамидки. Платона, кстати, за эти идеи чуть не убили.

– Но ведь не убили же...

– Не убили, потому что с греками тоже не так просто всё, – вздохнул дядя Коля. – Их демократия, она ведь не для всех была. В смысле демос – это не все население полисов. Это определенная группа граждан, наделенная правами иметь собственность, рабов, носить оружие, голосовать... А все остальные назывались охлос – толпа. Опять-таки управляемая масса. Фактически, демос – не народ, а административная единица, созданная для контроля над охло-

сом. Так что идеи Платона об общественной пирамиде не были в принципе противны грекам. Просто, время тогда еще не подошло. Да, и требовалось многое перетряхнуть, зачистить старую элиту, допустить чужих. Так просто это не делается. Но в итоге все получилось. Именно со времен Платона Греция и покатила...

– А Египет?

– Ты не на том фокусируешься. Как страна Египет тоже давно канул, но модель осталась. А значит и ее создатели. И им – создателям, в принципе без разницы, в каких границах лежит подконтрольная территория, как она называется, на каком языке там говорят. Это похоже на подсечно-огневое сельское хозяйство. Одну рощицу подрубили, сожгли, создали плодородный слой, собрали урожай, на следующий год переместились. А как именно называлось предыдущее поле – Греция, Египет, Вавилон, и как будет называться следующее по большому счету – без разницы. Только счет тут идет не на годы, а на десятилетия и даже века. Меняются только имена и названия, а система прежняя.

– Хотите сказать, что мы до сих пор в рабовладельческом обществе живем?

– А что есть сомнения?

Витя задумался.

– Подождите, но ведь есть разница в производительном труде и рабском.

– И ты можешь сказать какая? Изменились лишь методы порабощения, а принцип остался. И один из главных – нельзя создавать сплоченное общество. Отсюда разделение – умственный, физический труд. Это тоже лишь один из примеров. Реально существует только производительный труд, а противопоставлен ему управленческий труд. Тот самый полюс, как ты выразился. Ведь, производство требует контроля. Сам понимаешь.

Витя снова замолчал, осмысляя услышанное.

– А вот вы мне все это говорите и...

– Что? Открыта страшная тайна? – иронично спросил дядя Коля. – Вот, как ты можешь этим распорядиться? В интернет выложишь?

– Хотя бы.

– И правильно. Эта мысль приходит в голову каждому, кто услышал что-то новое. Немедленно запостить, твитнуть, расшарить и ждать лайков. Именно поэтому сейчас сложилось вполне определенное мнение: любая информация попавшая в интернет считается чушью. И не надо думать, что это случайность. На рубеже нулевых, действительно, была опасная ситуация. Сеть фактически не контролировалась. Конечно, те кому следует потихоньку выпиливали экстремистские сайты, но делалось это лениво. Поэтому к сетевой информации относились с доверием. А теперь... Ну вот представь, кто-то взял и выложил видео, на котором в небе взрывается самолет, или еще лучше – кто-то снимал с той самой зенитки, откуда пустили ракету, ну и видео на ютьюб. Что будет? Тут же набегит куча специалистов, которые тут же в комментариях тебе докажут, что и самолет не тот, и съемка не того года, и след ракета должна оставлять другой, и солнце не с той стороны. Потом, естественно, появятся другие блоги. Они расскажут, что автор видео – агент спецслужб, давно прикормлен и вообще пишет и выкладывает только то, что скажут. Ну и так далее.

– И что, все эти комментаторы у кого-то на зарплате?

– Зачем? – искренне удивился дядя Коля. – Я же говорю, создана такая среда, где каждый суслик – агроном. Великий стратег и геополитик, временно работающий охранником в «Пятерочке». Каждый может спокойно высказаться, каким бы идиотом он ни был. А то, что твой оппонент в чате – идиот, как правило выясняется достаточно поздно, и это главный и самый показательный момент. Знаешь, как Черчилль говорил: если ты долго споришь с идиотом, скорее всего он делает то же самое.

– Есть ведь и не идиоты, – хоть Витя во многом и соглашался с услышанным, но все-таки он с оптимизмом смотрел на человечество.

Дядя Коля вздохнул, как будто устал объяснять ребенку некую азбучную истину:

– Есть. И что толку? Представь, что ты подошел к коллекторным резервуарам мосводоканала и плеснул туда стаканчик родниковой воды. Стали они чище? Вот! И также с неидиотами. Подливают понемногу, а жижа по-прежнему вязкая и смердящая. Плюс к этому существуют люди, которые постоянно вслух сомневаются в том, что вода в стакане родниковая.

– Не понял. Если человек излагает внятно и с доказательствами, в чем тут сомневаться?

– Так ведь все излагают внятно и доказательно, – развел руками дядя Коля. – Тут другое дело. Попробую на примере. Читал недавно у одного автора о приемах видения диспута в среде заключенных. Прием на самом деле один, но очень действенный: нужно поймать оппонента на малейшем несоответствии, и не важно касается оно предмета спора или нет, затем хохотать во все горло и тыкать в противника пальцем, выкрикивая – Слыхали?! Во дает?! Хочет так повернет, хочет эдак! Ну и в таком духе. Естественно человек начинает теряться, выходить из себя, путаться еще больше. То же самое случится и с тобой, если, допустим, ты решишь записать то, что я говорю и выложить у себя в ЖЖ или там на сайте, в блоге, не важно. Первое что ты услышишь – во, появился еще один срыватель покровов, конспиролог! Ирония – мощнейшее оружие. Совсем необязательно развенчивать какую-либо теорию, ее достаточно грамотно осмеять. Тем более, то о чем я говорю – далеко не новость.

– По-вашему конспирологи и альтернативщики более достоверны?

– Не обязательно. Идиоты есть везде. Когда появляется по-настоящему стоящая теория. До кого-то наконец доходит, что картина мира несколько иная, чем в новостной ленте, к нему сразу прилипает толпа чудаков, злобных, смешных, безумных. А короля, как известно делает свита. Блогер и вся его деятельность в окружении тупых хомячков и начинает выглядеть тупостью и чушью. А большего и не надо.

– Получается, что понять где правда, а где ложь невозможно.

– Нет. Если ты о постах в интернете, – улыбнулся дядя Коля.

– А вообще? – вопрос прозвучал настолько наивно, что Вите стало стыдно.

– А вообще можно. Если, конечно, в голове у тебя погуще и почище, чем в тех самых коллекторах. Тут важно понять, что подсказывать тебе путь к истине никто не собирается.

Чай за время разговора успел остыть, Витя осушил чашку в два глотка. Встал и понес к раковине. Краем глаза он заметил, что на стене за холодильником висят такие же морские узлы в рамках, как и на других стенах, но одна рамка несколько больше. Витя остановился и посмотрел на нее. В рамку и за стекло был заключен свернутый петлей шелковый шнурок. Тут сомнений быть не могло. Шнурок из ночного кошмара. Также Витя не сомневался в том, что раньше он не мог видеть этот предмет. В свой первый приезд он не заходил на кухню. Разве что хозяин только сегодня его перевесил, а раньше он висел на другой стене, на втором этаже или в кабинете, вот подсознание и зацепило. Но остальные стены дома были пусты, ни картин, ни фотографий, ни репродукций... Витя стоял с чашкой в руке и смотрел на рамку.

– Что такое, Виктор? – дядя Коля смотрел на него с не меньшим интересом, чем Витя на шнурок.

– Так... Показалось кое-что... Интересная вещь.

– Да. Это чтобы помнить, – туманно сказал дядя Коля. – Не думал, что она так бросается в глаза. Что показалось-то?

Витя не собирался вот так с ходу открывать свои видения, поэтому нужно было менять тему. Он поставил чашку в раковину.

– Вы все-таки не ответили, что же изображается на этих панелях?

Дядя Коля тяжело вздохнул:

– Как бы тебе это объяснить... Это и есть своеобразная библиотека.

– Вы же говорили, что у вас на компьютере библиотека?

– Дело тут не в носителе, а в содержании. Компьютер просто заменяет бумажные книги. Суть при этом абсолютно та же. Деревянные панели будут рассказывать другую историю.

– Историю в смысле, как науку?

Дядя Коля поморщился при слове наука:

– В смысле как истину.

– Как-то замысловато. Чем вас не устраивают толстые бумажные тома. Есть ведь какие-то академические издания...

– История – самая ангажированная из всех наук. Бумажные тома всегда пишутся в определенной политической обстановке. Ты знаешь, что при СССР школьным учителем истории мог быть только член партии? Само по себе достаточно красноречиво, нет?

– Теперь-то не СССР.

– Да-да, информации полно. Открытые источники, рассекреченные архивы, – в голосе дяди Коли звучала даже не ирония, а какие-то прямо издевательские нотки. – Про альтернативщиков мы уже говорили. Повторяться нечего. Меня интересует только подлинная история. Её сохранение.

– А откуда она известна вам? – неосторожно спросил Витя.

– Я не говорил, что она мне известна, я не говорил, что она известна мне одному, я не говорил, что собираюсь делиться этими знаниями, – дядя Коля говорил подчеркнуто внятно и холодно, последние слова воспринимались как предупреждение.

Витя не хотел терять того доверительного тона, который только начал устанавливаться между ними.

– Все равно, картины на чертежах такие, что сам черт ногу сломит, – улыбнулся Витя. – Подлинная там история или чистая фантазия все равно не разберешь.

– Ты же разобрал, – вдруг сказал дядя Коля. – Думаешь, я не заметил как ты прямо впился глазами в чертежи?

– Я... да, нет... Ведь ничего не понятно...

– Так и задумано. Не владея матрицей, информацию с этих панелей не считаешь. Расслабься.

Несмотря на успокоительные слова, Витя заметил, что дядя Коля смотрит мимо него, в сторону шелкового шнура. Ситуация каким-то чудным образом совпадала с настроением сновидения. Витя чувствовал, что на спине проступила ледяная роса.

– Ты не напрягайся, я с тобой эти разговоры веду только по одной причине, чувствую, что ты уловил нечто. Сам пока не понимаешь – что. Но может в уме у тебя просветлеет. А за тайну я не боюсь. История, даже самая обычная, из школьного учебника штука такая путанная и темная, что разобраться в ней вообще мало кому под силу. Да и нет у нас исторической памяти в принципе.

– В смысле?

– Ну ты знаешь, кем был твой дедушка?

– Так, примерно..., – ответил Витя.

– Вот именно! А про прадедушку и речь не идет. Истории собственной семьи никто не знает, за то каждый второй – геополитик. А самое главное – и узнать не старается. Им и не зачем.

Витя не понял кому «им», но и уточнять не стал.

– Реально достоверная история, как объективный процесс, доступна в лучшем случае в пределах сотни лет. А в большинстве случаев, ограничена отрезком в жизнь поколения. Да и там, мутно. История всегда должна оставаться немного в тени. Для масс, само собой.

– А не для масс? – Витя чувствовал, что подобные вопросы снова могут привести к памявному сувениру, висящему за холодильником, но удержаться не мог.

– И не для масс тоже. Но кое для кого, прошлое должно оставаться предельно ясным. Иначе – хаос.

– А так? Тотальный контроль?

– Модель не рабочая. Уже доказано. Хитрость в том, что контролировать народные массы очень сложно. Особенно сейчас. Как ни крути, но с чисто информативной точки зрения интернет навсегда изменил общество. Я бы сказал, что сегодня массы контролировать вообще не возможно. Хотя многие со мной не соглашаются. Потому что дураки, – дядя Коля уже говорил как будто бы и не Вите, а просто озвучивал давно продуманные мысли. – Да и задача – контролировать, не стоит. То есть это вторичная задача. Реально населением планеты можно только управлять. При контроле, по чистой логике, происходит сегрегация. Контролеры становятся элитой, остальные... ну понятно кем. Недовольство растет, и очередная Варфоломеевская ночь становится вопросом времени. Её можно предотвратить. Вернее отстрочить. Запалить небольшую войну, например. Переключить внимание. Но правильнее, рассчитать этот процесс и направить в нужное русло. А потом представить в самом героическом свете. Для этого официальная история и нужна.

– Какое русло может быть у Варфоломеевской ночи? Элиту ведь все равно перебьют?

– Если сил хватит. Да, ее и не жалко, – махнул рукой дядя Коля. – Новая нарастет.

С теми же задачами.

– Значит, любая революция бессмысленна?

– Почему? – дядя Коля удивленно посмотрел на Витю. – Любая революция преисполнена смыслом. Только не для тех, чьими руками она делается. Для народа Афганистана был смысл в восстании талибов?

– Думаю, нет...

– А для США или России?

– Наверняка.

– Вот то-то и оно. Революции управляемы, это, кажется, уже ни для кого не секрет.

– Кем управляемы?

Дядя Коля усмехнулся.

– Оно тебе надо? Знать такое?

Витя немного растерялся. Несмотря на чрезвычайный личный интерес к теме, все-таки он воспринимал этот разговор, как обычный светский, кухонный. По крайней мере в самом начале. А теперь ему на самом деле предстояло ответить самому себе на вопрос: а надо ли? В любом случае, Витя понял, что дядя Коля дальше говорить не намерен. Может не в этот раз, а может и никогда вообще.

Витя посмотрел на часы:

– Что-то заболтались мы. Толя, небось, уже закончил.

– Не смею больше задерживать.

Витя вышел из кухни. Дядя Коля не стал его провожать. Толя сделал все нужные замеры. И довольно давно. Следуя какой-то природной деликатности, он не стал прерывать разговора Вити и дяди Коли. Стоял и курил на крыльце. Витя и Толя выехали за ворота. Только тогда Толя открыл окно и выкинул давно погасший бычок на обочину дороги.

– Да, работка предстоит..., – протянул он.

– Ага, – чуть небрежно ответил Витя. – Если сомневаешься, что справишься, лучше сразу скажи.

– Почему не справлюсь...?

– Ну, время много потребуется. Ты сейчас и так занят.

– Ни чем я не занят, все сделаю, – засуетился Толя.

– Ну, смотри, – сказал Витя и замолчал. Он мог бы еще покошмарить Толю, допечь его до признания в леваках и покаянного возвращения под Витину крышу, но делать этого не стал.

Решил, что Толя и без того в правильной кондиции и образе мыслей. К тому же, сейчас ему хотелось думать совсем о другом.

В своем портфеле, вместе с образцами, он увозил копию чертежей и реквизиты, по которым выставит счет, пока за материалы, но все-таки это уже значило достаточно много. Главное же, сегодняшнее видение, новое совпадение со снами натолкнуло его на мысль о том, что сами по себе картины могут иметь для него вторичное значение. Куда важнее знакомство с этим человеком. И радовался Витя по большей части не хорошим барышам, которые получит с заказа, а тому, что благодаря заказу он сможет держать связь с дядей Колей. Главными всегда остаются люди. Витя давно это понял, и сейчас получил очередной шанс в этом убедиться. Собственно, и его назревшее противостояние с Валерой, на самом деле являлось борьбой за людей, образно говоря, за владение ими, их производительным трудом. Витя поймал себя на мысли, что думает терминами, услышанными от дяди Коли. Их разговор снова всплыл в памяти. И, странное дело, его слова уже не казались каким-то откровением. Прошло менее получаса, и теперь уже Вите казалось, что он и сам знал все то, о чем говорил дядя Коля. Может, просто не умел облечь в слова или хотя бы внятно выразить для самого себя. Тем не менее, припоминая разговор, он ощущал приятное чувство погружения в родную стихию. И правда, все, что Витя услышал задело и взволновало его скорее на эмоциональном уровне, чем на интеллектуальном. С точки зрения чистой информации, ему не открылись тайны вселенной. Да, Витя не силен в античной истории и политологии, но был уверен, что все эти сведения о полисах, греческой демократии, Древнем Египте и прочее, легко наугливаются, никаких печатей для этого взламывать не придется. К тому же, интуитивно Витя понимал разницу между знанием и эрудицией. Знание реально и даже утилитарно. Эрудиция – полезная штука, но скорее внешняя мишура. Что-то вроде умения шевелить ушами, в каких-то социальных группах такой навык ценится куда выше, чем умение цитировать Катутлла на латыни. А знание ценится во всех обществах. У Вити и складывалось ощущение, что он краем коснулся какого-то знания. Будет ли оно открываться дальше и полнее, целиком зависело от дяди Коли. В этом тоже сомневаться не приходилось. Чтобы это произошло нужно как-то расположить к себе дядю Колю. Подумать об этом еще предстояло. Пока же Витя решил просто смотреть на мир, через лобовое стекло. Это простое и повседневное действие, порой, приносило огромное удовольствие. Потому что случались дни, когда Витя чувствовал: мир говорит с ним. Мир одушевлен и наполнен невидимыми сущностями, которые одновременно, и прячутся, и желают быть увиденными. Чистое голубое небо, с пухлыми бляшками облаков смотрело на Витю. Он кожей чувствовал на себе этот взгляд и хотел ответить и мог отвечать. Нет ничего страшного в том, чтобы смотреть в бездну, даже если бездна в этот момент смотрит в тебя. Время, когда пространство приоткрывается во всей своей мощи и величии, лучшие мгновения жизни, хотя бы потому что Витя понимал – в этот момент именно он становится мерой этого величия. А значит, он включен в мировой порядок, ход вещей, а не просто существует на фоне. Подобные ощущения, самопроизвольно возникающие, всегда становились для него предвестниками чего-то хорошего, главное не рассеиваться и не впадать в экстазм. Витя притопил педаль газа. Дела повседневные лучше шли под взглядом неба.

3

*Всякий видит, чем ты кажешься, немногие
чувствуют, кто ты на самом деле.
Н. Макиавелли*

Сидя в офисе, Витя переживал двойственное чувство. С одной стороны, он любил дело, которым занимался. Ему нравилась древесина, как материал, нравилась глубина ее преображения после обработки, нравился конечный результат. И нравилось само предприятие, созданное им. Тут был и легкий флёр гордыни. На встрече выпускников про Витю бы сказали – «с нуля поднялся». Так что гордиться собой он мог вполне обоснованно. С другой стороны, ему уже давно не приходилось самостоятельно сидеть на телефоне, обзванивать поставщиков, искать материалы. Для этих функций он нанял людей. Поэтому преследовало ощущение, будто нечто пожирает его время. Сознавая это, он чувствовал почти физическую боль. Витя жертвовал единственный невосполнимый ресурс, из-за элементарного недопонимания с Валерой. Хотя, недопонимание – не совсем верный термин. Витя как раз прекрасно все понимал. Оставалось доставить просветление в ум его партнера. И тут возникала сложность. Валера – мужик упрямый и амбициозный. Если просто вызвать его на разговор и все выложить, он психанет, хлопнет дверью или наоборот начнет качать права. Второй вариант даже вероятнее. Хотя это и не так уж важно, ни один из вариантов не давал решения проблемы. Витя понимал, что Валера запутался в своих фантазиях. Их взаимоотношения строились по схеме стратегия-тактика. Витя знал *что* нужно делать для процветания бизнеса, а Валера – *как* этого добиться. И теперь, видимо, Валера решил, будто и ему подвластно это знание. Ошибка вообще-то характерная для всех тактиков. Видя перед собой ближнюю задачу, они умеют ее решить, но отчего-то пренебрегают необходимостью знать истоки этой задачи и понимать следствия, возникающие в отдаленной перспективе после решения. Очевидно, со временем Валере стало казаться, что его умелое управление тождественно реальной власти. Он не понимал, что по-прежнему продолжает исполнять чужую, Витину волю, а вовсе не занимается самостоятельным делом. Последнее время, в минуты раздражения, Валера не мог сдержаться и прямо говорил Вите, мол, я на себе весь бизнес тяну, а ты вообще ничего не делаешь. На самом же деле это «ничего не делание Вити» было не фактическим устранением от бизнеса, скорее он просто отпустил подлиннее Валерин поводок. Его не сильно волновало, как именно Валера будет решать ту или иную задачу. Он не вмешивался, не лез с советами и не навязывал собственных подходов. Вот, Валере и начало казаться, что это он сам всего добился, сам постиг, а Витя – просто паразит на его шее. Логично, что мысль отколоться прокралась в Валерино сознание и постепенно разрасталась, как плесень. Мысль губительная, прежде всего для самого Валеры. Он не был готов к самостоятельности. Заключение это можно по самому образу его действий. Та самая тактика без стратегии. Чтобы осуществить задуманное Валерой, следовало тихо и аккуратно подготовить плацдарм, обзавестись собственностью, оборудованием, материальной базой, а потом одним мощным ударом забрать бизнес целиком, или уж по крайней мере большую часть, а не крысятничать по мелочам на левых заказах. Впрочем, недооценивать Валеру тоже опасно. Как ни крути, дело свое он знает и может в какой-то момент вспрыгнуть над собой. В этой возможности Витя ему не отказывал. Тогда он станет реальным препятствием, а пока Валера – камень в ботинке. И лучше бы ему самостоятельно осознать это. Тогда дело может решиться мирно, без особых потерь. Витя не спешил разбираться с Валерой еще и потому, что тот несмотря ни на что пока находился в слабом положении. Скорее всего сам того не сознавая. Да, он все прекрасно знал за производство и снабжение, но кое-какие важные нюансы упускал из виду. Например, Валера не знал, что земля, на которой стоит их цех при-

надлежит Вите. Выкупить ее стоило немалых трудов и средств. Случилось это давно, Валера еще складом заведовал, так что не мог быть в курсе, а потом как-то речь не заходила. Не имея собственности, трудно выстроить нечто реально крепкое. Пока Валере под силу было выстроить средней руки бизнес, шатко балансирующий между налоговыми поборами, пожарными инспекциями и санитарными нормами. Быть может, каким-то задним умом он это и понимает, потому и не уходит с концами. Так что пока проблема остается, и точного плана ее решения нет. Уповать на просветление чьего-то ума – далеко не лучшая стратегия. Главное затруднение заключалось в том, что целиком отдаться решению этого вопроса Витя не мог. К тому же возникали новые проблемы.

Отыскать монолитную панель из бразильского ореха оказалось не так просто, да еще в нужном количестве. В основном поставщики предлагали составные панели. Витя предвидел такое положение, однако то, что не каждый производитель брался изготовить доску нужной ширины, неприятно удивило его. За этим, столь лихо обещанным дяде Коле заказом, отсылали чуть ли ни на бразильские пилорамы. Перебрав с десяток поставщиков, Витя понял, что расплывется. Бесплодные разговоры, пустые обещания «переговорить с начальством» и перезвонить. Витя понимал, что люди на том конце трубки мало, что могут решить, вообще мало понимают в деле, которым занимаются. Он быстро перебрал своих поставщиков, с кем работал давно и мог поговорить непосредственно с руководителями. Поэтому дальше приходилось общаться с менеджерами. Эти ребята мало чем отличались от роботов-автоответчиков. В лучшем случае они просто хорошо знали собственный ассортимент, сроки поставок и цены. Решение более сложных задач, выходящих за рамки повседневных, ставили их в тупик. Работали и отвечали они по заученным схемам. Ни то что инициативы, даже обычной самостоятельности от них ждать не приходилось. Так что Витя быстро осознал тщетность такого подхода. Во всяком случае, это был не его метод. Сначала, слушая отказы и неуверенное мычание менеджеров, Витя раздражался и видел перед собой реальную проблему. Однако, чем дольше это продолжалось, тем отчетливее перед его мысленным взором проблема преобразовывалась в возможность. Он увидел незаполненную нишу. Конечно, опыт подсказывал, что если ниша не заполнена, то, скорее всего, это хреновая ниша. И все-таки, с вопросом можно было поработать. Только иначе. Его задача – определить цель, определить текущее состояние дел и, исходя из последнего, рассчитать вероятные пути воплощения цели. Бесплодное сидение на телефоне вовсе не способствовало реализации этого плана. Он опять приходил к мысли о том, что ему следует искать не доску, а человека, который эту доску достанет. В любом замысле люди на первом плане! С этой мыслью Витя сбросил последний звонок и вышел из офиса. Дальнейший обзвон потенциальных поставщиков он поручил Ане, хоть и не очень верил в ее успех. Аня, конечно, девушка толковая и даже очень, но как и большинство наемных сотрудников редко выходила за рамки своих повседневных задач. Лишь однажды, после новогоднего корпоратива... Но это совсем другая история, мало волновавшая Витю в конкретный момент времени. Как бы то ни было, тень надежды на Анину сердобольность все-таки оставалась. Витя и ценил ее за легкость и беззаботность, с виду вполне ординарную – аккаунт в Instagram с фотографиями еды, коктейлей, пляжей, пятничных вечеринок, утренние и вечерние селфи, казалось бы, вот и все что занимает Аню. Как ни странно, непосредственный душевный настрой помогал ей и в работе. Она никогда не отказывалась выполнять поручения, никогда не переспрашивала – а как это делать? Даже находясь в полном неведении относительно того или иного вопроса, она легко снимала трубку звонила куда следует, узнавая все по ходу.

Вечер потихоньку сгустился над городом. Домой Витя попал уже в сумерках. Заварив чай, он сел над чертежами. Впервые он мог рассмотреть их в спокойной, буквально домашней обстановке. Теперь уже картины не казались ему столь туманными и символическими. В последовательности картин прослеживалась явная логика, можно сказать сюжет. Более того, сюжет этот оказался неоднородным. Первоначальное впечатление о том, что каждая панель вклю-

чает в себя отдельную историческую эпоху или какую-то определяющую веху целого периода, оказалось не верным. Отдельно взятая панель могла содержать в себе два и даже три последовательных исторических эпизода. Особенно это касалось первых панелей. Тех, на которых был изображен Петр Первый и тот самый гнедой конь. Картины разделялись диагональными линиями на неравные треугольники, поэтому при беглом осмотре было непросто провести границу между одним эпизодом и другим. Только внимательно вглядываясь и вникая в художественную логику создателя этих полотен, Витя стал разбирать замысел и последовательность изображений. С другой стороны, последние панели были посвящены конкретным, казалось бы, более частным сюжетам. Однако то, что таким эпизодам отведены целиковые полотна намекало на их значимость. На одном из таких цельных изображений Витя без труда опознал Наполеона. На картине он стоял рядом с императором Александром. Оба правителя стояли на берегу реки, над головами их, словно герб, нависала карта, изображенная весьма схематично в виде развернутого свитка. Вообще о том, что эта карта можно было догадаться лишь по маленькой розе ветров, вписанный в верхний угол и по неровным линиям, видимо, обозначившим течение рек. Также на нижнем краю карты было выведено число римскими цифрами. Витя не умел разбирать их, так что решил отложить это на потом. К тому же, изображение содержало еще множество любопытных мелких деталей, очевидно, пояснявших сопутствующие встрече императоров обстоятельства. Войне 1812 года было уделено немало места. Наполеон появлялся в нескольких сюжетах. На одном из них он даже представлялся в виде всадника змеборца. Можно было даже сделать вывод, что именно этот период истории являлся ключевым для создателя полотен. От первой до последней панели все как бы шло к этой войне. Пока Витя не мог сказать точно на чем основано это впечатление. Хотя он и заметил кое-какие сквозные детали, переходящие из одного изображения на другое. Одной из них была казачья шапка, а может не казачья, а стрелецкая, тут Витя не брался судить. Да и не так уж важно, главное, всегда одна и та же. На первом плане она появлялась один раз. На третьей панели изображался эпизод, должно быть, встреча двух посольств: люди европейского вида в костюмах восемнадцатого века, стояли напротив каких-то татарских вельмож, впрочем, азиатское происхождение этой группы также следовало из костюмов, а не из антропологических признаков, между ними, преклонив колени, стоял слуга тоже татарского вида на вытянутых руках он держал перед собой эту самую шапку, холоп с европейской стороны насыпал в нее золотые монеты. На остальных изображениях шапка всегда оказывалась на заднем плане. В принципе ее и разглядеть-то оказывалось сложно. Вите просто повезло, как-то взгляд зацепился, то она валяется на дороге, под ногами всадников, то поднята на копье, то лежит на столе, и т. д. О смысле этой небольшой детали догадаться было не просто. Наверное, даже невозможно. И сколько их еще, этих сквозных, говорящих деталей? Как и сказал дядя Коля, прочитать историю по этим изображениям без матрицы не получается. Впрочем, интуицию пока никто не отменял. Витя не был склонен наивно полагать, что после беглого взгляда на чертежи ему откроются великие тайны. Он лишь ждал какого-то намека. Хотел увидеть нечто, что отпечаталось бы в сознании и повернуло ход мыслей в каком-то конкретном направлении. Однако картины оказались столь пёстрыми и наполненными, что в сознании возникали не отпечатки, а рябь. Требовалась определенная систематизация и, конечно, определенные знания. Пока что складывалось ощущение, будто с ним говорят на незнакомом языке. Даже знай он о чем идет речь, понять нюансы все равно не смог бы. Витя отпрянул от стола, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Голова немного гудела. Как-то, в студенческие годы, Витя с товарищами подрядился на стройку, срочно понадобилась небольшая сумма денег. Задача перед ними стояла предельно простая – перенести кучу щебня из одного места в другое. Следуя доброй традиции, Витя с товарищами для начала решили отметить сам факт получение такого подряда. И так увлеклись, что на следующий день на стройплощадке Витя стоял один. Видимо, по-настоящему деньги нужны были только ему. В сумрачном осеннем утре перед Витей стояла ржавая

тачка, с совковой лопатой в корыте и возвышалась гора щебня, выше него раза в два. Сначала дело представлялось просто невыполнимым, настолько, что даже и браться не стоило. Когда Витя отвез первые тачек двадцать, настроение стало еще хуже. Казалось, что гора не стала меньше, только еще шире расплзлась в том месте, где Витя черпал лопатой. Однако бросить работу отвезя двадцать тачек еще глупее, чем бросить не начав вовсе. Витя старался не смотреть на вершину горы, чтобы не расстраиваться. Тупо возил и возил, с редкими передышками. И, в конце концов, перетаскал кучу. Конечно, еще дня два после этого пальцы не хотели разгибаться и стремились принять форму рукояток тачки, поясница глухо ныла, зато и денег заработал за четверых, и, следуя странной логике, бросил пить. Сейчас этот случай вспомнился Вите не случайно. Тайна чертежей казалась столь же огромной и недоступной, как когда-то та куча гравия. Однако он помнил, что справился в тот раз. Значит, может справиться и в этот. Даже несмотря на то, что в этот раз работка явилась посложнее.

Витя провел ладонью по лицу, открыл глаза и снова посмотрел на чертеж. На этот раз взгляд упал не на сами изображения, а на поля. На белой бумаге остались характерные черные точки, которые образуются при ксерокопировании. В принципе ничего удивительного, дядя Коля и сказал, что дает копию. Но Витино внимание привлекли не эти типографские помарки. На самом краю листа осталась часть изображения, как будто при копировании или сканировании оригинал оказался несколько больше приемного лотка и лазерный луч не захватил его площадь целиком. А может, его специально не хотели отображать на копии. Витя был уверен, что и на том экземпляре, что он видел дома у дяди Коли, никаких изображений не было. Может только вот такой же обрезок... Витя вгляделся. Даже приблизительно восстановить изображение по столь малой части не представлялось возможным. Скорее всего, там в углу листа стояла какая-то печать. Вероятно старинная. Во всяком случае, ничего общего с современными печатями у этого отпечатка не было. Витя смог разглядеть нечто волнообразное. Может морская волна, часть полотнища флага или мантия. Вглядываясь еще, Витя решил, что скорее всего мантия. У самого-самого края листа он сумел разглядеть неровную, диагонально наклоненную линию, у ее вершины виднелась не то клякса, не то пятно... Кисть руки! Догадался Витя. Должно быть, там изображался человек, опирающийся на посох или копьё или... на что-нибудь еще, а мантия покрывает его плечи. Значит, это скорее герб, чем печать. Витя всмотрелся снова. Если он прав, и то небольшое пятно – кисть руки, расположена она так, будто человек не опирается, а скорее держит что-то в опущенной вдоль тела руке. Для копья или для посоха древко коротковато. Что тогда? Скипетр? Но кто же держит скипетр опущенным к земле? Витя снова откинулся в кресло. Он осознал, что в один краткий миг все изображенные на чертежах картины перестали иметь для него какое-либо значение. Все внимание сосредоточилось на этом обрывке герба. Он не мог не оценить иронии ситуации: в поисках ответов, он нашел еще один вопрос. В том, что вопрос этот важен сомнений не было. Витя прекрасно понимал как проявляется его интуиция. Не имея ключа к изображениям на чертежах гадать над ними бесполезно. А вот узнать, каким гербом припечатан оригинал чертежей, можно было. Более того, возможно, разгадка герба поможет обрести ключ к изображениям. Где-то в подсознании хранилась информация о том, что геральдика – наука точная. Древние гербы являлись чем-то вроде документов, устанавливающих не только родовую принадлежность, но также и юридические права их носителей. Поэтому выполнялись они с чрезвычайной точностью. Если на листе действительно отпечатался древний герб, найти его не составит большого труда, даже по такой мало части. Так во всяком случае казалось Вите. Он и хотел браться искать тут же, но посмотрел на часы. Время позднее, а сны последнее время являлись для него не только отдыхом, но и источником информации.

Увы, надежды на сновидения не оправдались. Всю ночь Витю преследовали слишком плотные, перенасыщенные зрительные образы. Извлечь из них некое ясное зерно не удавалось, даже точно восстановить последовательность не получалось. В воспоминаниях осталась лишь

хаотичная круговерть каких-то замков, тайников, летящих стрел, пушечных залпов, кораблей и татар. Несмотря на тяжкую беспорядочность сновидений, проснулся Витя довольно свежим, отдохнувшим. Практически сразу он сел к ноутбуку. Проснулся Витя раньше обычного и у него образовался лишний час, который он решил посвятить изучению геральдики. Его вчерашний легкий оптимизм, по поводу розыска герба быстро улетучился. Оказалось, что европейская знать за века успела наплодить громадное количество гербов, с изображением мужиков, сжимающих в руках разного рода, копыя, посохи, палицы, булавы, дубины, трости и даже костыли. Чаще всего на Витины запросы выпадало изображение дикаря Виллимиес, геральдического символа финского города Лаппеенранта. Несмотря на столь настойчивое повторение, изображение было совершенно не то, во-первых, наклон дубинки не такой, а во-вторых и главных, дикарь сжимал дубину в правой руке. След на чертежах явно указывал на предмет в левой руке. Витя понимал, что запрос слишком неконкретный, поэтому старался разглядеть, хоть что-то еще в том обрезке герба, который ему был доступен. Да и понемногу закрадывалось сомнение, а герб ли это? Мало ли какое изображение могли поместить на столь странный чертеж. В частности, при поиске ему частенько выпадали не только гербы, но и различные карты таро, которые также изобиловали сюжетами с людьми, вооруженными разного рода деревянными предметами. И все-таки некоторые общие выводы ему сделать удалось. Изображение людей на месте щитодержателя, более характерны для гербов династий северной Европы. Хотя и там полно и львов, и орлов, и грифов. Но все же, разные рыцари, богатыри, дикари чаще присутствовали именно у северной аристократии. Тут тоже была тонкость. Иногда северная знать становилась правителями государств южной Европы, тогда их гербы перекочевывали в государственную геральдику тех государств. В общем, чем дальше в лес, тем толще партизаны. Вооружившись лупой, Витя пытался отыскать хоть малую отличительную черту в осколке изображения. От этого занятия его отвлек телефонный звонок. Звонила Аня.

– Доброе утро! – весело поздоровалась девушка.

– Привет! – ответил Витя. – Как успехи?

– Да, никак в общем-то, пока...

– Продолжай искать, – без особой надежды сказал Витя.

– Ага, только я вот что подумала... Помните, я в том году в отпуск ездила? В Бразилию.

– Ну? – Витя давно перестал различать многочисленные фотографии, снятые на пляжах, которыми кишели страницы Ани в соцсетях.

– Так вот, я там с одним человеком познакомилась. Он русский, но живет в Бразилии, в Порто Алегре лет пять наверное, а может больше, точно не помню. В общем, он там занимается строительством. Ну как строительством... Просто собственный небольшой отель строит с площадкой для кэмпинга. Я подумала, может к нему обратится, ну по поводу этой древесины...

– Обратись, конечно, – воодушевился Витя.

– Да, я уже ему написала. Просто разница во времени, понимаете? Наверное, к вечеру ответит. Если вспомнит меня, конечно.

– Отлично. Если срастется с твоим бразильцем, с меня премия.

– А то! – весело отозвалась Аня.

– Ты в офисе уже? – спросил Витя.

– Да.

– Валера на месте? – Витя и сам не знал зачем спросил об этом.

– Нет еще. Но он вчера вечером заезжал.

– Понял.

– Передать ему что-то, если увижу?

– Не, не надо. Наберу ему если что.

– Ага...

- Ань, ты на всякий случай позвони еще по местным поставщикам.
- Хорошо.
- Ну, давай, удачи.
- До свидания.

Витя сбросил звонок. В голову ему сразу же пришло новое соображение, будто вероятность разрешения вопроса с материалами освободила место для новых мыслей. Ему неожиданно вспомнились вчерашние слова дяди Коли, о том, что никто не знает истории собственной семьи. Из его слов выходило, что это необходимое условие для понимания исторических процессов. Витя решил углубить знания в этом вопросе. Да и просто интересно, кем были его предки. Отчего-то раньше его это мало интересовало. Быть может, к этой идее его подспудно толкнуло изучение геральдики и неизбежное при этом чтение биографий представителей всевозможных династий. Витя знал, что последние несколько лет составление генеалогических древ, родословных и тому подобное, штука модная. Поэтому опять обратился к интернету. Разочарование постигло его еще быстрее, чем в случае с геральдикой. Предложений составить родословную было полно, в том числе от различных организаций при государственных архивах. Однако Витя немного почитал о процессах сбора информации и понял, что порой эти розыски натываются на непреодолимые препятствия. Нет записей в метрических книгах, или сами метрические книги утеряны, и привет. Если же при этом держать в уме соображение, что все эти конторы работают за деньги, то есть, нацелены на результат, сыщик, столкнувшийся с подобной проблемой на стадии прадедушки, может легко подверстать в биографию какого-нибудь левого персонажа, о котором записи есть. Лишь бы история рода полнее выглядела. А там попробуй доискаться! В общем, в этом вопросе Витя решил не прибегать к посторонней помощи. Сам найдет столько, сколько сможет, а если в тупик пойдет, что ж?

Для начала поисков Витя отправился было в Москву, к родителям. Переезжая в Коломну Витя, само собой, не стал захватывать старые альбомы и прочее. Однако поговорив с отцом, узнал, что весь семейный архив, включая фотографии, дипломы, письма они с матерью перевезли на дачу.

- Что это ты спохватился? – спросил отец, узнав предмет Витино интереса
- Так, интересно стало.
- Ну, много-то найти не рассчитывай.
- Почему?

– Да, так... Много и нельзя хранить-то было.

– Почему? – снова спросил Витя, с явной заинтересованностью в голосе.

– Ишь, встрепенулся! Хе-хе! – засмеялся отец. – Ничего там такого нет, если ты собрался царскую кровь в себе отыскать.

– Чего ж тогда хранить нельзя было?

– Время такое. К любой мелочи прицепиться могли. Это я про то, когда дед твой еще пацаном был, – пояснил отец. – Я от своего деда за всю жизнь ни слова про прежнее житье не слышал. От бабки только узнал, что они из раскулаченных были. А может и из купечества. Не помню уже точно, как она говорила. В общем семья зажиточная была, большая, в Тобольске жили... А после революции и гражданской всех разметали. Деда с бабкой в одну сторону, вроде бы в Пермь на поселение, брата его на Север куда-то, другого брата наоборот – в Среднюю Азию. Да и бабкину родню распылили. Сам понимаешь, людям не до фотографий и переписок было.

– Документы все равно какие-то от них остаться должны были, – настаивал Витя. – Справки там, партбилеты...

– Хе-хе! – снова засмеялся отец. – Мой комсомольский может и найдешь. Насчет партийных очень сомневаюсь. Вообще, там по большей части наши с матерью фотографии и все остальное. Может, дедовы найдешь... Ты хоть его помнишь, деда своего?

– Помню. В общих чертах...

– Ну вот, освежишь память. Вообще дело-то хорошее. Может и правда чего интересного отыщешь... Я же давно в эти ящики не заглядывал. Ну а как в остальном дела? – спросил отец после паузы.

Поговорив на дежурные темы, они распрощались. У Вити был собственный комплект ключей от родительской дачи. С одной стороны, он обрадовался, что не придется тащиться до Москвы, с другой – повидать родителей было бы не плохо. Тем более, если отец прав и архив окажется таким бедным, как он говорит, можно было бы их расспросить хоть немного. Еще по тем временам, когда родители устраивали шумные застолья, со сдвинутыми столами, белой скатертью, шпротами и бутылками кавказского портвейна, Витя помнил, как ждал историй. И сколько и как неожиданно они всплывали. Вплоть до того, что его – ребенка, выпроваживали спать, а он прижимался ухом к комнатной двери и слушал. Это только так навскидку отец сказал, что знать ничего не знает, помнить не помнит. Может, торопился уходить куда или просто недосуг было рассказывать. Поговорить с ним на эту тему надо будет. Да и мать расспросить.

Витя собрался быстро и выскочил из дома. Ехать, слава богу, не так далеко. Дачный участок располагался в Серпуховском районе. Пролетев сто двадцать километров, он свернул на проселочную дорогу, проехал стоящую вдоль пути деревню и въехал в СНТ. Садовое товарищество располагалось практически на берегу реки Протвы, в паре километров от того места, где она вливалась в Оку. Витя давно не заезжал к родителям на участок и снова поразился естественной красоте этого места. Расположение и по советским временам считалось козырным, и сейчас тоже. Даже удивительно, что на бывших колхозных полях до сих пор не выросли коттеджные поселки. Советские дачи потихоньку преобразовывались, щитовые дома ломались, на их месте вырастали брусовые, кирпичные, блочные, обрастали сайдингом и ондулином, но в целом поселок так и оставался обычным шестисоточным прибежищем для пенсионеров, их взрослых детей, слетавшихся на участки на майские и на дни рождения, у кого на лето выпадало. Иногда Витю посещала странная идея, что некоторые места, как будто замалчиваются. Словно в земле, на определенных участках сосредотачивается энергия. Причем энергия эта может быть разных типов. Места, где сгущается и рвется наружу мистическая энергия, многим известны. Для нейтрализации таких мест давно придуман надежный способ: там ставится церковь. Но энергия может быть также и социальной. Какие-то особые участки, где ни с того ни с сего люди обретают пассионарность. Вот такие места кому-то выгодно придавать забвению, если уж не получается использовать. Дачное СНТ на Протве Витя как раз считал таким местом. Здесь иначе дышалось, иначе думалось, иначе работалось. Как говорится, такую бы энергию да на мирные цели. Видимо, у кого-то когда-то возникли сомнения, что цели тут будут мирные. А что может быть лучше для обуздания, чем нагородить на таком месте дачных участков? Люди находятся на них не более пяти-шести месяцев в году, прописаться в их товариществе до сих пор нельзя, даже если дом пригодный для круглогодичного жилья. Все заняты своими мелкими проблемами, ремонт, мелкое огородничество, чеховский крыжовник... Вот, вся энергия и затухает. Идеальный вариант.

Витя остановил машину на обочине, напротив дома. Заезжать на участок не стал, не хотелось возиться, открывать ворота. Ему казалось, что его разыскания не займут много времени. Дом родителей, как и многие в товариществе, недавно перенес реконструкцию. Фактически, от старого дома остался только фундамент. Обстановка все еще хранила новодельную свежесть. Обычные для дачных домов залежи в кладовых не успели скопиться по чуланам и шкафам. Витя сразу направился на второй этаж. По словам отца, там в шкафу между старыми книгами и журналами по садоводству и должны были лежать семейные свидетельства прошлого. Порывшись немного в стопках макулатуры, Витя достал пухлую папку красного картона, с посеребрившими от времени тесемками. Тесемки сплелись в двойной узел, маленький, но крепкий как

сухая горошина. С ним пришлось повозиться. Когда узел, наконец, поддался, фотографии чуть высыпались на пол. Витя бережно сгреб их и перенес на стол.

В целом, предупреждение отца о скудности архива подтвердилось. В основном в папке лежали фотографии молодых лет Витиных родителей – какие-то турпоходы, пляжи Крыма, волейбол на берегу реки, групповые снимки школьных лет, студенческие. Было несколько старых фотографий неизвестных Вите младенцев, без подписей. На одном фото попался дед – сухой, седобородый. Также в традициях фото искусства 30-40-х годов, были запечатлены двое офицеров Красной Армии. Витя практически никого не узнавал. Даже подписанные снимки мало о чем говорили. Кто были эти Григории Степановичи, Николай Трофимовичи, Коки и Лёли, Витя не знал. Об этом нужно будет расспрашивать родителей, и надеяться на их память. Писем это собрание вообще не содержало. Витино внимание привлекла только одна открытка. На вид очень старая, годов двадцатых. Витю прямо поразило изображение на этой открытке. Сова на желто-сером фоне (впрочем, цвет фона мог вылинять от времени), вписанная в щит. Несмотря на то, что птица изображалась довольно грубо, в лубочной манере, она произвела на Витю гипнотическое впечатление. Он не мог оторвать от нее взгляда, и был уверен, что уже видел это изображение раньше. Только где? Когда? Провалами в памяти Витя не страдал. Именно поэтому мог уверенно сказать, что никогда перед его взглядом не появлялось это изображение. Узнавая сову, в нем заработала какая-то иная память. Утробная что ли. Раньше ему уже приходилось переживать нечто подобное. Именно когда он переехал в Коломну. Он как будто бы узнал этот город. Правда, тогда не придавал своим ощущениям особенного значения. Да и проявились они не столь обостренно. Витя смотрел на открытку, как смотрит в окно узник, долгое время просидевший в темном каземате. Он и видит белый свет, и не узнает его, и ослеплен, и прозревает одновременно. Во рту у Вити мгновенно пересохло. Чтобы как-то справиться с наваждением, он перевернул открытку. В верхнем углу размытые почтовые штампы, а посередине надпись, выведенная фиолетовыми чернилами, каллиграфическим почерком, с завитушками над заглавной буквой, и красивым вензелем в конце фразы – «На вечную память». Ни подписи, ни имени получателя в открытке не содержалось. Единственное, что можно было разобрать – адрес, по которому много лет назад пришла эта открытка. Витя быстро сунул ее во внутренний карман куртки, аккуратно собрал ворох фотографий обратно в папку, завязал ее и вышел из дома.

Повинуясь минутному капризу, обратно он решил поехать не в объезд по трассам, а через Серпухов. Когда он въезжал город, зазвонил телефон.

– Ну как, нашел что-нибудь? – раздался в трубке голос отца.

– Ага. Вот, хотел с тобой, с мамой поговорить...

– Ну, заезжай, когда хочешь. Я собственно, по тому же поводу и звоню, – сказал отец. – В детстве я филателией увлекался. И вспомнил сейчас кое-что. Деду моему иногда письма приходили, с редкими марками, он их мне отдавал, а я отпаривать боялся, чтобы не испортить и прямо на конвертах хранил, за обложкой альбома.

– Альбом тоже на даче?

– Не, он у меня дома. Все-таки коллекция немалая, жалко вот так в чулане бросать. Я сейчас посмотрел, некоторые конверты с письмами... Аллэ? Слышишь меня?

– Да-да, – Витя на самом деле отвлекся, впереди себя он заметил знакомую машину.

– Так, когда заедешь? – спросил отец.

– Скоро. Пап, я перезвоню, сейчас не очень удобно.

– Ну, давай... Дом-то стоит?

– Стоит. Всё, пока!

– Пока.

Витя чуть сбавил скорость и прижался к обочине. Впереди него, метрах в тридцати, на светофоре стояла машина Валеры. Загорелся зеленый свет и машина тронулась. Следуя

какому-то наитию, Витя аккуратно поспешил за ним. Он не знал, заметил ли его Валера? Скорее всего нет, в этом случае наверняка позвонил бы или просто остановился и дождался. Пропетляв немного по городу, Валера остановился у ворот какого-то предприятия. Въезд загоразживали большие синие ворота. Скорее всего автобусный парк или что-то вроде этого. Пару минут его машина не трогалась с места. Как будто Валера ждал кого-то, а может говорил по телефону. Наконец, ворота отползли в сторону, в проем выглянул человек. Дружески махнул Валере и отвел створку так, чтобы он мог проехать. Как только Валера очутился внутри, человек с усилием потянул ворота и захлопнул проезд. Витя подъехал ближе, над воротами, на высоких сваях был растянута красный баннер. Большими белыми буквами на нем красовались слова «Аренда» и номер телефона.

Витя задумался. Каждый раз, размышляя о действиях Валеры, он приходил к выводу, что дергаться рано, время терпит и вообще проблема не так велика. Сейчас он в этом усомнился. Самое неприятное, что постоянно откладывая решения вопроса, он естественным образом откладывал и выработку стратегии. Больше так продолжаться не может. Витя решил четче оценить масштабы бедствия, и поставить, наконец, точку в этом вопросе.

4

*Правдивый меняется за день сорок раз,
а совершающий деяния напоказ твердо
стоит в одном положении сорок лет.
Аль-Джунайд аль-Багдади*

Размышления о плане противостояния Валере заняли больше времени, чем предполагал Витя. Он никак не мог определить конечную цель: вообще избавиться от Валеры или оставить его, лишь немного окоротив? Первый вариант, конечно, проще. Но и глупее. Все-таки, Валера ценный кадр. Поэтому совсем с ним распрощаться – это тоже урон бизнесу. С другой стороны, он мог зайти уже так далеко, что у Вити не останется выбора. Идти к одной цели, а в результате прийти к совершенно иному результату ему не хотелось. Хаос не был его стихией. Он привык упорядочивать жизнь, а не бросаться в пучину на авось. Поэтому и не поддавался эмоциональным позывам – просто пнуть Валерку коленом под зад, а там будь, что будет. Действовать нужно расчетливо и наверняка, а рассчитать действия и определить конечную цель проще всего, владея информацией о текущих делах Валеры. Значит, сначала следует разведать, в каком состоянии у него дела и что вообще назревает.

За этими размышлениями, Валера остановился у дома родителей. Жили они внутри третьего кольца, район, по странному стечению обстоятельств, остался тихим, практически не застроенным новыми башнями и торговыми центрами. При взгляде на архитектуру и планировку зданий, невольно вспоминалась какая-то тихая, очень бытовая Москва Юрия Трифонова. Единственное, что недвусмысленно говорило о современности – платные парковки и перегороженные шлагбаумами дворы. Кстати, еще одна причина, по которой Витя не стремился жить в столице. Не сами платные парковки, конечно, уж как-нибудь хватило бы на оплату, а тот принцип, который они олицетворяли. Планомерное ограничение жителей в свободе передвижения. Да и чего уж вилять, лишний раз подставлять кудлатую холку под стригущий механизм Вите не хотелось. Он ощущал себя созданием несколько иной породы.

Отец открыл дверь до того, как Витя успел позвонить.

– А я слышу – лифт поднимается, так и подумал, что ты, – с улыбкой сказал он.

– Работает еще сигналка? – в ответ улыбнулся Витя. Это было что-то вроде семейной шутки. Лет пятнадцать назад в районе участились квартирные кражи, по всем подъездам висели предупреждения от РОВД, призывы к бдительности и т. п. Тогда Витя предложил отцу установить дома сигнализацию.

– Вот здесь должна быть сигнализация, – сказал тогда отец и постучал себя указательным пальцем по лбу.

Витя пытался его переубедить, мол, всего не предугадаешь, но отец не поддался.

– Лучше подумай, что за чем приходит, сигнализация за ворами или воры за сигнализацией? – туманно аргументировал он. – Надо жить сознательно, а не на приبلуды защитные надеяться.

По факту он оказался почти прав. Вопреки всеобщим чаяниям, домушников изловили, оказалось, что наводчиком в их коллективе был один мастер из конторы по установке железных дверей.

– Система работает в штатном режиме, – отшутился отец. – Проходи-проходи.

Витя вошел, снял куртку. Из кухни появилась мама, в фартуке и с мокрыми руками.

– Вот, хорошо. Я обед как раз поставила.

– Да, я не надолго, мам, – сказал Витя.

– Ничего, поешь успеешь, – она снова скрылась на кухне.

Отец не стал тратить время на вежливые прелюдии и сразу повел Витю в комнату. На журнальном столике лежали три пухлых кляссера.

– Вот, смотри. Специально без тебя разбирать не стал, – отец уселся в кресло и протянул Вите верхний альбом.

Витя сел на соседнее кресло, тяжелая книга ощутимо потянула руку. Он перелистнул хрустящие тонким стеклянным пластиком страницы. Из кармана между картонным переплетом и кожаной обложкой торчали пожелтевшие конверты с истрепанными и ветхими краями. Витя аккуратно вытащил их. Всего четыре конверта, без писем. На двух обратный адрес значился в Сибири – одно письмо пришло из Иркутска, другое из Тобольска. Отправитель третьего письма жил в Самарканде. Четвертый конверт вообще был без обратного адреса.

– А письма? – спросил Витя без особой надежды.

– Откуда? – развел руками отец. – Мне дед только конверты отдавал, а письма, наверное, и не хранил.

– А вот эти люди, – Витя взгляделся в имена отправителей. – Они наши родственники?

Отец взял у Вити конверты.

– Да, наверное..., – неуверенно сказал он. – Вот, Галина Владимировна из Самарканда. Кажется, племянница или даже не знаю как это называется? У моего отца был двоюродный брат, Галина ему сноха что ли... Вот ведь, и спросить теперь некого. Да и впрямь седьмая вода на киселе...

– Но писала же она деду?

– Писала. Даже посылки иногда присылала, урюк там, изюм, орехи. Дары Средней Азии в общем. Да, отец пытался связи поддерживать. Слушай, а вот это вообще интересная история, – он взял Красноярский конверт. – Видишь, тут только инициалы стоят?

– Ага.

– Держал, кое-что батя за душой. Мне один раз только рассказал. В общем, на фронте завел он себе ВПЖ. Знаешь?

Витя помотал головой.

– Ну, военно-полевая жена. Сибирячка, кровь с молоком. Он так рассказывал. Она там у себя в колхозе ветеринаром работала, только-только из училища, а тут война. Вот ее и мобилизовали в санитарный батальон. Батя говорил, она немного с придурью оказалась. Так из себя рослая, статная, хоть картины пиши, а войны боялась до жути. Чуть где стрельнут, она обмирает, стоит столбом на месте, еле дышит. Куда ей раненных из под огня вытаскивать? Вот, он ее и пожалел, быстро ребеночка заделали, ну а беременную, конечно, в тыл отправили. Вот она в письмах и шифровалась. Потом только, году в сорок седьмом прислала карточку – она и пацан в школьном мундирчике. У нас тогда еще мундиры были и фуражки...

– А из фронтовых друзей деда, ты кого-нибудь знаешь? – Витя не хотел, чтобы отец ушел в сторону. Он видел, что память постепенно выдает погребенную информацию. И все еще надеялся узнать что-то более конкретное.

– Да, много кого знал. В первые годы после войны часто приезжали. А потом... Многие ведь, так и продолжили военную службу, ну и раскидали по гарнизонам. Страна, сам понимаешь, большая.

– А дед почему на службе не остался?

Отец пожал плечами.

– Точно не знаю. Помню только, раз приехал его сослуживец, уговаривал вернуться на службу. Все говорил про какой-то новый тип войск, мол, там генеральские погоны за десять лет выслужить можно. Батя ему ответил, что ему военная карьера не светит. Мол, если его личное дело к внимательному особисту попадет, так не то что генеральские, еще и капитанские погоны снимут.

– И почему же так?

- Я говорил, он особенно не распространялся. Как-то это с прошлым связано было.
- Из-за раскулаченного отца? Вроде не такое страшное пятно на биографии...
- Не знаю. Может, и еще что-то было.

Отец замолчал. Витя снова посмотрел на конверты.

- А вот из Тобольска...

– Да, там у нас основная родня и жила. Только мы не виделись никогда. Но их, думаю, найти можно.

- А это – дохлый номер? – Витя показал конверт без адреса.

– Это как раз самое простое, – сказал отец. – Видишь штемпеля? Гашение на Северном Полюсе. У нас в семье один полярник был. Дядя Сережа, брат отца.

- Родной брат?

- Да. Кстати, может как раз из-за него батя особого отдела и опасался.

- Из-за брата полярника?

– Ну, полярником он потом стал... Вообще лихой был человек. Суровый. Батя про него редко говорил, но знаешь, как будто с восхищением даже. Одно время он часто писал, а потом перестал. Мать тогда беспокоиться стала, мол, пропал человек. А батя только и сказал – его и об дорогу не убьешь. Прав был, наверное. Дядю Сережу-то еще до войны арестовали. По какой статье не спрашивай, не знаю. Но дали десятку. Он отрубил, а потом на той же зоне, где-то в Коми что ли, вольнонаемным остался.

- Понравилось?

– Выходит так. Хотя, знаешь какая уловка у гэбэшников была, лагерь в таежной глуши стоит. Связь с «землей» раз в полгода, вездеходы провиант привозят. Вот человек освободится, а куда ему деваться, если до транспорта два-три месяца? Волей-неволей пойдешь обратно. Только я сейчас думаю, не в этом дело было. Дядя Сережа легко мог и через тайгу попереть. Ему на самом деле все равно было, что воля, что зона. И дело тут не в бластной романтике, а просто человек такой. Ему везде дом. Такой характер, что горы бы сдвинуть мог. Да, фактически, и двигал, как вспомню его истории...

- Истории? Он приезжал к нам?

– Да, раза три всего... Пстой! Так ты его тоже один раз видел! Только не вспомнишь, наверное?

Витя, вдруг, почувствовал, что будто бы очутился в вакууме. Мысли исчезли, пропали звуки, а перед глазами, словно на экране, возникла картинка. Он бежит по коридору их старой квартиры, под ногами постукивают расшатавшиеся паркетины. Ему пять лет и он счастлив, потому что мама забрала его из детского сада раньше обычного, еще до тихого часа! Сказала, что у них гости. И вот, едва стянув куртку и сбросив валенки, он вбегает на кухню. Посередине, на табурете сидит большой мужчина. Вите он кажется просто огромным, лицо словно серая каменная глыба, плечи перекрывают окно. Свет бьет мужчине в спину и Витя не может разглядеть его лица. Зато он видит, что мужчина чистит яблоко. Лезвие ножа не спеша движется вокруг плода, кожура непрерывной, длинной спиралью свисает почти до пола. На кухне пахнет соленой рыбой и чем-то морозным, северным. Мужчина молча смотрит на Витю, выражение лица у него суровое, но не злое, взгляд внимательный. Витя же, едва глянул в глаза мужчине, почему-то он не может оторваться от созерцания этой длинной, всё сползающей к полу яблочной кожуры.

- Вить, ты чего? – донесся голос отца.

- Вспомнил, кажется...

– Не может быть. Я вон, еле-еле, вспомнил. Тебе тогда сколько было, четыре-пять? Да, где-то так, середина семидесятых. Дядя Сережа как раз из второй полярной экспедиции вернулся. Всю их команду для отчета в Москву вызвали, вот он к нам и заскочил.

- Надолго?

– Не, он надолго нигде не останавливался. Только, здесь дела свои кончил и сразу по новой завербовался.

– А потом, что с ним стало?

– Пропал, – пожал плечами отец. – Когда папа умер, его пытались разыскать, но бестолку. Странная все-таки штука... Такой человек был, а всего-то осталось – один конверт.

Витя заглянул в него. Старая пересохшая бумага, сама разошлась по швам под его пальцами. Судя по всему, конверт был самодельный. Неровные бурые полосы клея осыпались мелкими песчинками. Более того, конверт оказался одновременно и письмом. Видимо, сказался дефицит бумаги в полярных экспедициях. Письма писались на листе бумаги, края которой заворачивались и заклеивались в форме конверта. Витя быстро пробежался по строкам. Короткое послание носило бравурно-иронический характер:

Привет от участников 13-ой боевой имени Ленина Полярной Экспедиции! Разведка новых площадей под засев кукурузы в областях Заполярья идет полным ходом. Пригодных к вспашке земель не обнаружено. Уверенным шагом ступаем к новым трудовым подвигам на ниве социалистического строительства, обязуемся исполнить поручения партии и правительства и заложить первый кирпич в здание будущего 1-ого Заполярного колхоза им. тов. Н.С.Х.!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.